ЗИМЕНС ЭВЕЛИНА



Застывшие струны

Эвелина Зименс

Застывшие струны

«Автор»
2025

Зименс Э. Д.

Застывшие струны / Э. Д. Зименс — «Автор», 2025

Ригéль и Хати́са - названия звёзд в созвездии Орион, а также имена парня и девушки, которые являются друг для друга почти никем. Раньше они были хорошими приятелями, но в какой-то момент резко перестали общаться. Сейчас они одни из самых красивых и одновременно лучших учеников школы, любимчики учителей. Почему бы им не быть хорошими друзьями? Но нет - Хатиса и Ригель старательно игнорируют друг друга, соперничая между собой во время уроков за статус главной звездочки класса. Общий проект заставляет Хатису увидеть Ригеля с другой стороны, поменять своё мнение на его счёт. Однако что думает об этом всем он?

© Зименс Э. Д., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 6
Глава 1. 7
Глава 2. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эвелина Зименс
Застывшие струны

Пролог

Ригель и Хатиса – выдающиеся ученики десятого класса в небольшом городке, заселенном в основном учеными, работающими в лаборатории неподалеку. Им буквально предначертано быть вместе. Однако девушка от этого просто отмахивается, считая их «звездные имена» ничего не значащим совпадением. Дело в том, что Хатиса и Ригель – это звезды созвездия Орион. Пусть и в имени парня ставится ударение на другой слог. Конечно, никто не знает все названия космических тел, и никто даже бы не подумал об этом, если бы не злополучный доклад…

Однажды четвертому классу задали написать небольшое сообщение о происхождении и значении своих имен. Ребята сдали свои работы учителю и, ни о чем не подозревая, побежали на перемену. На следующий день, когда учительница раздавала тетрадки, она заметила с удивлением: «Представляете, у нас в классе целых два человека с именами из созвездия Орион – Ригель и Хатиса». Ее, брошенная невзначай фраза, произвела фурор. Ненадолго в классе повисла гробовая тишина, в умах детей медленно начала складываться цельная картина, потом по классу прошел шепоток и вырывающийся наружу смех. Мальчишка с задней парты вдруг выкрикнул: «Жених и невеста!». Тут уже ребята больше не могли сдерживаться: покрасневшие девочки хихикали, а мальчики в открытую хохотали. Сама же «счастливая парочка» чуть не умерла от стыда.

После этого злополучного домашнего задания в жизни Ригеля и Хатисы редко выдавались дни без того, чтобы над ними не подшучивали по этому поводу. В особенности это любили девочки.

Первое время ребятам было тяжело, но со временем они привыкли. К тому же, прошло уже целых шесть лет после этого инцидента, к тому же больше ничего интересного между «парочкой» не происходило и всем в итоге наскучил этот забавный факт.

Шли годы, они выросли, а их отношения находились, если смотреть по графикам, изучаемым в программе обществознания, в блоке экономики, пусть и не в депрессии, ведь их нельзя было назвать врагами, но где-то недалеко от этого. Они были скрытыми соперниками, хоть и соревноваться им, казалось бы, не за что. Ригель был ударником, но в некоторых дисциплинах разбирался намного лучше, чем Хатиса, которая, была круглой отличницей. Ситуации, когда парень поправлял ее, исправлял ошибки или просто отвечал быстрее, задевали самолюбие девушки. Поэтому уроки математики всегда превращались в битву не на жизнь, а на смерть. Правда стоит отметить, что Ригель зачастую просто уступал ей, позволяя дать ответ первой. Оценку-то ему за это не снизят.

Вопреки всем стереотипам о зубрилах, оба имели весьма красивую внешность и пользовались популярностью. Особенно Ригель – высокий брюнет со смуглой кожей и излучающими тепло медовыми глазами, в которых так и хотелось утонуть. В силу того, что парень почти ни с кем не разговаривал в школе, среди девушек он приобрел славу «холодного парня», считался неприступным, хотя подтверждений этому не было. Хатиса же – невысокая девушка с русыми, отливающими золотом, волосами и светлыми зелеными глазами, внешне нравилась многим своим одноклассникам, но вокруг нее всегда была какая-то аура неприкосновенности, поэтому мало кто решался даже заговорить с ней, выбирая более простые варианты. Но не все же ищут легких путей…

Глава 1.

Хатиса

Я проснулась ранним утром от того, что меня тормошила мама, под звуки дребезжащего будильника, которым можно полгорода разбудить, но только не меня. Не открывая глаз, я села на кровати и потянулась, зевая.

– Встала?

В ответ я просто промычала что-то наподобие «угу».

– Отлично, тогда завтрак на кухне, а я убежала.

Мама отошла от моей кровати, пропав из зоны видимости. Вскоре послышался звук открывающейся входной двери.

– И в школу не опоздай! – прокричала мама на прощанье, и дома воцарилась тишина.

Я простонала. Как же не хочется туда идти. Ладно, учиться мне нравится, учителя у нас очень хорошие и почти каждый имеет научную степень, все-таки в ученом городке живем, однако мои одноклассники не самые интересные люди. Девчонки все с ума сошли со своими парнями, макияжем и сплетнями, а мальчики – с видеоиграми. Единственный нормальный человек в нашем классе – это моя лучшая подруга Карина, с которой я знакома с самого детства. Собственно, как и со всеми одноклассниками. Мы ходили в одну группу в детском саду, так как она была единственной, а потом попали в один, опять-таки единственный класс. Однако ни с кем, кроме Карины, я так и не сошлась. Детские большие компании не в счет. Только с ней всегда можно о чем-нибудь поболтать, в частности о недавно прочитанных книгах и интригующих новинках, она всегда придет на помощь в сложной ситуации, выслушает и поддержит. И вообще она просто солнышко, всегда позитивная и веселая.

Но если большинство одноклассников казались мне просто серой скучной массой, то один из них выделялся – Ригель. Он меня раздражает, на самом деле без особых на это причин – просто умный, красивый парень, «мамина радость», как говорят. За ним девочки бегают толпами, восторженные учителя и пророчат ему великое будущее, а Ригель как будто этого не замечает, лишь отмахиваясь, относясь к этому как к должному, ничего особенного не делая и тем не менее получая прекрасные результаты, все, чего бы ни хотелось. Вот только ему как будто ничего и не нужно. А кто-то к чему-то стремится и упорно трудится, чтобы достичь цели и все равно не получает желаемого. Получает результат в разы хуже, чем у него. Это расстраивает и удручает, но…все же такие способности Ригеля вызывают восхищение. Хоть я в этом никогда не признаюсь.

Будильник зазвонил снова, напоминая, что пора собираться. Понедельник – день тяжелый.

***

– Карина, ты уже готова? – звонила я подруге, прижав телефон плечом к уху, обуваясь, стоя на одной ноге.

– Да, уже иду к тебе.

– Выбегаю! – сказала я и пошатнулась, чуть не упав, и, чтобы удержаться, врезалась плечом в стену.

***

Мы шли в школу, болтая о пустяках. Погода была чудесная, наконец-то наступила настоящая весна – деревья позеленели, вернулись птицы и просыпались насекомые. Солнце грело, поэтому мы не мерзли, хоть и оделись совсем легко – юбки да легкая кофточка сверху, чтобы еще холодный ветер не пронизывал насквозь. Нам с подругой часто говорили, что мы похожи

на старшую и младшую сестер из-за совсем разного стиля, сейчас это было особенно заметно: Карина выше меня, ее темные волосы убраны в пучок, а очки добавляли статности всему образу, я же сделала себе две небрежные косы, с которыми смотрелась намного младше своих лет.

Дорога до школы пролетела быстро, раз, и мы уже сидели в классе на первом уроке биологии.

– Псс… – послышался сзади голос Иры, главной сплетницы класса. – А вы знали, что у нас новый учитель биологии? Говорят, он молодой… – Ирка хихикнула.

– Как?! – обернувшись, вскрикнула я от удивления. – А как же Лариса Анатольевна?

– Она уволилась, – пожала плечами девушка и, не найдя в нас особого энтузиазма строить теории о возможной красоте преподавателя, разочарованно махнула рукой.

– Жалко, – протянула я, обращаясь к Карине. – Мне всегда нравилась Лариса Анатольевна…у нее были интересные уроки.

– Не расстраивайся, может быть этот новый учитель тоже ничего, – приободрила меня подруга, хитро улыбнувшись и подергав бровями.

Я фыркнула.

Тут в класс зашел директор – Василий Анатольевич. Это был мужчина средних лет с небольшим круглым животиком, выпирающим вперед, но выглядел он очень внушительно и солидно. Черный пиджак, такого же цвета брюки, строгий взгляд и монокль, вещь весьма странная в наше время, создавали огромное впечатление на всех учеников.

– Здравствуйте! – проговорил директор басом. – Имею честь представить вам нового учителя биологии. Андрей Николаевич, прошу вас, проходите.

В класс зашел молодой, даже слишком молодой, мужчина, хотя его правильнее было бы назвать парнем – на вид ему не больше двадцати четырех лет. Слегка растрепанные волосы цвета соломы и серый костюм, идеально сидящий на подтянутой фигуре – создавали вид очень симпатичного молодого человека.

Он улыбнулся классу и сказал:

– Доброе утро! Как уже сказали, зовут меня Андрей Николаевич и я ваш новый учитель биологии.

Девушки сразу начали шептаться и строить глазки новому учителю. Парни же никак не отреагировали на возраст и внешность преподавателя.

– Что ж, пожалуй, я вас оставлю, не буду мешать, – произнес директор и медленно вышел из кабинета, провожаемый тревожным взглядом молодого преподавателя. Кажется, учитель был не в восторге от перспективы остаться один на один с целым классом. Он сделал глубокий вдох, собираясь с силами, и начал занятие.

– Итак, ваш классный журнал я уже получил, сейчас отметим присутствующих…

***

– Тема нашего следующего урока – генетика. Нужно, чтобы два ученика подготовили доклад, но так как эта тема довольно трудная, я сам выбрал тех, кто этим займется. Ригель и Хатиса, пожалуйста, подготовьте его к следующей среде.

В классе повисла гробовая тишина. Стало настолько тихо, что было слышно, как идут часы. То, что назначать их в пару не лучшая затея знали все, кроме Андрея Николаевича, который, ничего не замечая, делал заметки в классном журнале. Я опомнилась первой:

– Н-но, Андрей Николаевич, мне некогда его делать, – сказала я, хоть это и было не совсем правдой. Но попытаться стоило. Лучше бы вообще приготовила его сама.

Андрей Николаевич поднял глаза.

– Не беспокойтесь, завтра у вас не будет первого урока, так как Николай Захарович приболел, – произнес он голосом, не терпящим пререканий. – Вы можете подойти вместо геогра-

фии в мой кабинет, – с каждым его словом что-то внутри обрывалось, негодование росло. – Он будет пустой, у меня есть несколько книг на эту тему, а если понадобится, то вы сможете воспользоваться школьным компьютером.

План учителя был настолько продуманным, что противопоставить ему было нечего. Еще немного поразмыслив, я окончательно поняла, что путей отступления нет, разве что устроить скандал по поводу того, что мне не хочется работать в паре с ним, но повторять ситуацию, произошедшую в восьмом классе, было плохой идеей. Так, что я решила, что лучше просто смириться и «пережить» завтра на морально-волевых. Карина слева давилась от смеха…

***

Ригель

Сегодняшнее утро прошло для меня как в тумане – я не помнил, как проснулся, позавтракал, собрался и дошел до школы. Все было серым и мрачным, собственно, как обычно. Настроение стандартно ниже плинтуса. Я смотрел по сторонам, будто ища чего-то: знака, намека, словно потерянный. Но вот, я заметил золотой отблеск волос, ставший уже привычным. И на душе сразу стало спокойнее, теплее и даже уютнее. Как будто я отыскал то, чего мне не хватало. И снова время потеряло структурность. Любуясь переливами золотых кос, я мечтал, одновременно стараясь не глядеть в сторону девушки. Мечты о том, как подойду к ней, просто возьму ее за руку, мы встретимся взглядами, и нам не нужны будут слова… надоели до чертиков. Но я ничего не мог с ними поделать и только до боли флегматично чесал свое запястье.

–…Ригель и Хатиса, пожалуйста, подготовьте его к следующей среде, – именно эти слова вывели меня из транса.

Мои губы дрогнули в попытке счастливо улыбнуться. Теперь передо мной стояла другая картина: мы сидим в темном классе над большой книгой, склонив к ней головы, слегка прикасаясь макушками и держась руками под партой. Нет, нельзя показывать свои чувства, нужно запрятать их подальше. Странно, что они до сих пор живы во мне. Нельзя, чтобы их увидела Хатиса, ведь я так долго демонстрировал свое равнодушие к ней, но это был единственный выход из той ситуации – попытаться максимально отстраниться и пережить это в одиночестве. Старая рана вновь заныла, и я погрузился в воспоминания:

«Конец шестого класса. Школа. Я стою с букетом васильков перед дверью в класс, зная, что в нем только Хатиса – она сегодня дежурная, поэтому нам никто не помешает. Я уже качнулся вперед, чтобы открыть дверь…

– Хатиса, ты уже вытерла доску? – раздался голос Карины, подруги Хатисы.

Я замер. Мысли с бешеной скоростью вращались у меня в голове. План сорвался. Разговор девочек тем временем продолжался.

– Да, – ответила дежурная. – Теперь могу погадать тебе.

– Давай, – с улыбкой в голосе сказала Карина.

Послышался звук раскладываемых карт.

– А ты кого-нибудь на примете имеешь? —послышался вопрос Хатисы, в нем мелькнула улыбка.

– Неа, – наигранно печально протянула Карина. – У меня же нет «суженного».

– На что ты сейчас намекаешь? – протянула Хатиса.

– На что, на что, на Ригеля конечно, – девушка говорила, слегка посмеиваясь.

– Ну уж нет, кто угодно, но только не он! – возмущенный вскрик Хатисы дошел до меня, эхом отражаясь от стен и стуча в ушах. – Уж лучше старой девой с пятью кошками стану!»

Да, воспоминание так себе, наверное, это самый неприятный момент в моей жизни. Кстати, теперь я не люблю васильки. А вот мама постоянно ставит их в вазу в гостиной. Думаю, они приносят несчастье.

Только сейчас я заметил, что в классе стоит гробовая тишина. Все смотрели то на меня, то на Хатису, пытаясь понять, что происходит. Я тоже перевел взгляд на девушку. В ее глазах читалось негодование, переходящее в насмешливое снисхождение. Я моргнул. В следующий миг Хатиса уже отвела взгляд. В грудной клетке остался неприятный осадок, но он быстро пропал и, как будто бы лицо девушки выражало… не такое сильное презрение, как должно было.

– Н-но, Андрей Николаевич, мне некогда его делать, – раздался неуверенный голос девушки.

«Ага, некогда, – подумал я с грустью. – Она просто не хочет его делать со *мной*. У меня нет шансов – если она и обратит на кого-то внимание, это буду не я.»

– Не беспокойтесь, завтра у вас не будет первого урока, так как Николай Захарович приболел. Вы можете подойти вместо географии в мой кабинет. Он будет пустой, у меня есть несколько книг на эту тему, а если понадобится, то вы сможете воспользоваться школьным компьютером.

Эти слова оживили во мне лучик надежды. Может быть, получиться произвести хорошее впечатление на Хатису. Мы, считай, никогда особо и не общались, и она абсолютно не знает меня – только общие черты, которые доступны всем и не всегда являются полностью правдивыми.

Вдруг я вспомнил то, что произошло в восьмом классе, когда нас поставили работать в паре – это было ужасно. Хатиса развела такой скандал по этому поводу. Я в нем не участвовал, изображая из себя полную отрешенность и равнодушие, хоть мне и было обидно. Я что настолько противен ей, что она не сможет потерпеть меня полчаса? В итоге, мы делали два разных проекта.

Но в этот раз все обошлось без криков и лишних эмоций. Хатиса не смогла отмазаться от работы, а спорить, как я понял, не решилась. Поэтому, завтра мы идем к первому уроку в кабинет биологии. В голове опять всплыла картинка пустого класса и нас, склонившихся над книгой…

Что-то я снова витаю в облаках. До конца урока меньше минуты, поэтому можно было начинать собирать вещи в рюкзак. Тут я понял, что можно наконец-то воплотить одну мечту из разряда мелочей, которые не особо-то и необходимы, но все равно было бы неплохо, – взять номер телефона у Хатисы. Хоть у нас и была общая школьная группа, найти ее среди остальных оказалось просто невозможно – на аватарке ни у одного из аккаунтов не было ее фотографии, по сообщениям не поймешь. А сейчас нашелся повод – совместный проект.

Прошел только один урок, так что у меня еще целая куча времени. Лучше сделать это после занятий – без лишних глаз. Осталось только немного подождать…впервые в жизни мне настолько сильно хотелось, чтобы уроки закончились поскорее.

***

Хатиса

Наконец-то этот отвратительный учебный день закончился. Думала, не доживу до его конца. Кажется, я еще никогда так не желала конца уроков. Когда прозвенел звонок, я, как и все, собрала вещи и вместе с толпой и учителем вышла из кабинета, чувствуя на себе взгляд подруги. Она следила за мной все время, начиная с первого урока. Это заставляло меня нервничать. И не зря…

Кто-то схватил меня за руку и потянул назад. Сомнений, что это Карина не было никаких. Ее выдержка сегодня просто поразительна – прождать все шесть уроков и не задать ни единого вопроса, не сказать ни одной подколки – это вызывает уважение, особенно зная ее любознательность.

Карина завела меня обратно в наш кабинет, который сейчас пустовал. «Конечно здесь никого нет, – добавила я про себя. – Все нормальные люди уже разошлись, даже разбежались по домам. Как же хочется тоже уйти, да поскорее».

Тем временем она уже успела закрыть дверь, класс был залит светом яркого майского солнца, так и манящего выйти на улицу, вдохнуть теплый весенний воздух.

Подруга посмотрела на меня. На ее лице было написано что-то вроде «Давай рассказывай, я обязана знать все, что ты думаешь». Ее карие глаза поигрывали странным огоньком – таким огоньком, который появлялся только когда Карине действительно что-то важно. Кажется, нам предстоит не самый приятный разговор…

– Хватит на меня так смотреть, – почему-то прошептала я. – Я знаю, что ты хочешь сказать.

– Хатиса! Ты считаешь, что никто не видит, как ты на него постоянно поглядываешь? – возмущению подруги не было предела.

– Ну и как же? – сказала я максимально отстраненным голосом, на который только была способна.

– Ну, – протянула Карина, – например, когда учителя называют его имя, ты всегда оборачиваешься на него. Когда он входит в класс, ты часто теряешь нить разговора! – в интонации Карины скользила затаенная обида.

Эти слова повергли меня шок. Я замерла с открытым ртом, не зная, что сказать, понимая, что в целом она права. Но ведь это совсем не то, чем кажется.

– Ты… ошибаешься – наконец-то очнулась я. – Я смотрю на него только из-за того, что хотела бы сама ответить, – прозвучало неубедительно, но другого объяснения у меня не было. – Хватит меня подозревать, Карина. Я чувствую себя преступницей! – я позволила себе кривоватую улыбку.

Отвернувшись от нее, я продолжила.

– Мы же об этом разговаривали, и не раз. С чего вдруг мое мнение должно было измениться.

Повисла гробовая тишина. Я не оборачивалась, напряженно ожидала реакции, думая, что она не поверит, поймет меня неправильно и разозлится. Но из-за спины раздался абсолютно спокойный голос подруги.

– Хатиса, послушай. Осуждать тебя я не буду и никогда бы не стала. Да, ты можешь ничего не говорить мне, но хватит врать самой себе! – в голосе Карины были горечь и раздражение. – Он тебе нравится. И ты ему тоже… Ну, мне так кажется, – добавила она неуверенно.

Я замерла. Эти слова резанули по сознанию как бритва. Было обидно за то, что она решила, что я могу что-то скрывать от нее. С какой это стати? А врать самой себе попросту глупо. За кого она меня принимает?.. Да, Ригель красивый, умный, ничего не скажешь, но его характер…оставляет желать лучшего. Парень раздражал одним своим видом. Общаться с ним…как по мне весьма сомнительно.

Карина громко вздохнула, наверно устав ждать, пока я соизволю обернуться.

– Ладно, – сказала она уже мягче. – Оставлю это тебе, возьми, пожалуйста.

Я только что-то промычала, испытывая неприятное чувство от слов подруги, не готовая с ней разговаривать.

– До завтра?.. – с вопросительной интонацией произнесла Карина и, не дождавшись ответа вышла из кабинета.

Только услышав стук закрывшейся двери, я сдвинулась с места. Взгляд сразу привлекла небольшая ярко-розовая брошюрка. Я взяла ее в руки. На ней было написано: «Проверь, не влюблена ли ты?».

«Что за…» – пронеслось в голове. – «Карина же не думает, что я буду этим заниматься? Делать мне нечего.»

Брошюру стоило выбросить и забыть, но неожиданно для себя, выходя из класса я засунула ее в рюкзак.

***

Ригель

Последний урок. Даже не верилось, что я дождался. До конца еще пять минут, что на литературе – целая вечность. За это время герои произведений успевают поссориться, помириться и зажить «долго и счастливо». Но вот, звенит звонок, и все начинают собирать вещи, моментально забывая, в теории поучительную, историю несуществующих людей. Я вместе с толпой выхожу из кабинета и стремлюсь к выходу из школы, чувствуя непривычное воодушевление.

А тем временем у меня насущный вопрос – как выловить Хатису? В итоге я, решив отойти от школы, немного пройти в сторону ее дома и встретить девушку где-нибудь там, так и поступаю. Конечно, нам может помешать Карина, но ее присутствие не будет чем-то ужасным. Хотя, разумеется, лучше, чтобы Хатиса была одна, вероятность чего – один на миллион.

Я иду по проселочной дороге, солнце стоит высоко в небе, меня обдувает уже теплеющий к лету, но все еще свежий ветерок, трепля отросшие за последние месяцы волосы. Я остановился у особо раскидистого дуба – которых в нашем городке очень много. На его ветвях уже имеется листва, пусть и редкая, в любом случае ей это не мешает приятно шуршать.

Облокотившись на ствол дерева, я закрываю глаза, и по моему лицу расплывается улыбка. Какое облегчение – перестать контролировать и анализировать себя, дать эмоциям выход, когда никого нет рядом. В школе все привыкли к тому, что я замкнутый, ни с кем не разговариваю и вообще не компанейский человек. В этом, в общем-то, много плюсов – не надо ни с кем разговаривать, участвовать во всей этой подростковой ерунде, бессмысленных разборках и тому подобном, меня не трогают, как будто боятся обжечься напускным холодным безразличием, которое я развел вокруг себя. И списывать не просят, потому что знают – не дам. Правда, многие девушки считают такое поведение очень загадочным и привлекательным. Из-за этого я часто ловлю на себе пристальные взгляды, но подходить ко мне мало кто решается, так что… предпочитаю думать, что это все мне только чудится.

Мои мысли идут непрерывным потоком и плавно переходят к Хатисе. Если мне нечего делать, то они почти всегда обращаются к ней. Да и сейчас я ждал ее, смотря на поворот дороги, чтобы не пропустить девушку.

Шелест листвы меня успокаивал, будто шепча на ухо неясной, шуршащей речью. Некоторое время я так и стоял, прислонившись к дубу, но быстро устал и спустился по стволу вниз, устраиваясь рядом с мощными корнями, проглядывающими из-под земли. Внутри зрела, расцветала искрящаяся энергия, рвущаяся наружу, просящая делать что-то…хорошее, вызывающее восторг и трепет, особенное тонкое чувство прекрасного в душе. Я не стал его сдерживать и…тихо запел бодрый мотив.

***

Хатиса

Я не заметила, как вышла за территорию школы. В лицо дул прохладный ветерок, который и вытянул меня из мрачных мыслей. Солнце грело, как будто бы говоря: «все хорошо». Я глубоко вдохнула, успокаивая дрожащие от напряжения нервы.

«Какой прекрасный день, – проговорила я про себя, пытаясь абстрагироваться от произошедшего – Уже чувствуется приближающееся лето».

Но мысли меня не слушались.

«Как она вообще могла подумать, что он мне нравится?.. – я раздраженно пнула лежащий на дороге камень. – И зачем эта дурацкая брошюра?»

Карина отлично знает, что я его не перевариваю. К тому же она в курсе моего мнения об отношениях. Мне это не нужно. Подруга всегда прекрасно понимала меня. Однако сейчас даже не слушала. Ее постоянные намеки, остроты я могла пропускать мимо ушей, но в этот раз… она перешла черту. Было немного тоскливо и горько от разговора с Кариной, словно мы поссорились, хотя скорее всего завтра она будет вести себя как ни в чем не бывало.

На самом деле мне не очень-то хотелось идти домой. Там никого нет, делать особо нечего, да и погода стояла отличная. К тому же, у меня была скачанная электронная книга на телефоне, а это значило, что можно устроиться где-нибудь под деревом – да вот хотя бы под этим!

Я шагнула с дороги на узкую тропинку, ведущую к раскидистому дубу. Трава по бокам щекотала щиколотки. И вдруг из-за ствола донеслись звуки чьего-то бойкого пения. Голос был приятный и отдаленно знакомый. Приблизившись, мне удалось различить слова:

…едины мы,
Но нам не по пути,
С тобой не по пути.
Совсем запутались…

Вдруг под моими ногами что-то треснуло. Пение прекратилось. Я почувствовала, как кровь прилила к ушам. Вот же…

***

Ригель

Тишина. Внезапный хруст с другой стороны дуба заставил меня прекратить петь. Было жутко страшно. Нет, скорее стыдно. Жутко стыдно. Кто же там? Если это кто-то из одноклассников, то будет весьма неприятно – еще разговаривать придется. Если это будет кто-то незнакомый, просто примет меня за местного чудака и отправится дальше. А еще лучше, если это окажется какое-то животное, случайно оказавшееся рядом.

Из-за дерева не раздавалось ни звука.

«Наверное ждет, пока я покажусь.»

***

Хатиса

За деревом было тихо. Певец затих. Было дико неловко.

«Зачем вообще пошла дальше?..»

Секунды шли, а ничего не происходило. Я пыталась понять чей это был голос, но никак не выходило. Мне даже подумалось, что это была всего лишь звуковая галлюцинация, просто причудилось. Но тут неизвестный выглянул из-за дерева. И теперь вовсю пялился на меня. Недоумение на его лице выглядело до странного непривычно. Я, наверное, тоже выглядела очень удивленной. Передо мной был последний человек, на которого я могла подумать.

***

Ригель

Буквально в шаге стояла Хатиса и смотрела на меня широко раскрытыми глазами, склонив голову набок.

– Хатиса?.. – произнес я неуверенно, не совсем доверяя своему зрению.

Но оно не ошибалось. Девушка встрепенулась, будто очнувшись от транса, как-то нервно улыбнулась, заправила выбившуюся из косы прядку за ухо и спросила:

– Это ты пел? – ее голос был ровным, но в нем было заметно большое удивление.

Неожиданно. Я чуть было не вздернул брови. Мне казалось, она спросит что-то наподобие «что ты здесь делаешь, ты же живешь в другой стороне» и вопрос Хатисы ввел меня в небольшой ступор. Впрочем, мне удалось быстро из него выйти.

– Ну, да, – стараясь быть естественнее, ответил я, пожав плечами. А внутри тем временем все бурлило.

– У тебя красивый голос, – быстро произнесла Хатиса и слегка покраснела.

Даже не знаю, что стало причиной разлившегося в зоне сердца сладкого тепла – комплимент девушки или то, как мило она смущается, чего мне до этого никогда не доводилось видеть.

– Спасибо, – немного запоздало сказал я, мысленно напоминая себе о том, что не стоит выдавать своего волнения. По возможности. Мне в какой-то степени даже хотелось, чтобы она поскорее ушла, лишь бы не натворить глупостей.

– А, что ты пел? – негромко протянула Хатиса, смотря куда-то в сторону.

Я тоже неосознанно отвел взгляд. Девушка явно была в замешательстве, но ей определенно было интересно услышать то, что я отвечу. Или она просто пыталась завязать хоть какой-то диалог, чтобы избавиться от неловкости.

Мне пришлось задуматься. Правду я сказать не мог… по многим причинам: во-первых, я никому не собирался вообще когда-либо говорить о том, что пишу песни, тем более той, о ком они; во-вторых, я ей не нужен, неприятен и ничем хорошим мое откровение не закончится, зачем тогда я вообще разыгрывал этот спектакль на протяжении стольких лет; в-третьих, мне банально стыдно за наивность, слащавость, даже глупость этих строк – я считаю, их невозможно воспринимать всерьез, можно только посмеяться. В общем, правда в данном случае не лучший союзник. Надо что-то соврать. Что-то, что будет правдоподобным, и Хатиса не усомнится в честности ответа.

Наконец мне пришла в голову хорошая идея и я поднял взгляд и понял, что молчал непозволительно долго. Хатиса, кажется, уже решила, что не получит ответа и невнятно проговорила:

– Прости, я, пожалуй, пойду…

Я прервал ее, на заднем фоне подумав: «Она что, меня испугалась?..».

– Да не извиняйся, – я небрежно махнул рукой. – Просто никак не мог вспомнить название, вот и задумался. Прилипла ко мне со вчерашнего дня.

Глядя ей в глаза, внезапно захотелось все рассказать. Вылить все свои чувства и эмоции, пережитые за эти годы, чтобы она хотя бы отчасти почувствовала какого мне было…но это того не стоит, я не хочу ее тревожить. Хатиса единственная, кто к этому хоть немного причастен и единственная, кому точно не нужно об этом не рассказывать.

– А, да, – девушка хохотнула. – Ладно тогда, – она махнула рукой, – до завтра, получается.

– Ага, – в ступоре произнес я, нелепо моргнув.

Хатиса улыбнулась и пошла мимо меня к дороге, срезая таким способом поворот.

Я смотрел, как она удаляется и вдруг очнулся, поняв, что девушка уходит и вспомнив, что вообще-то ждал ее и собирался попросить ее номер.

Вскочив на ноги, я помчался за ней.

***

Хатиса

«Как же это глупо выглядело! – корила я себя, чувствуя, как краснеют щеки. – Чего привязалась к человеку? Какое тебе до этого дело?»

Внезапно сзади послышались быстрые шаги и голос Ригеля:

– Хатиса, подожди!

Я застыла, чувствуя, как холодеет затылок. Ригель не должен увидеть меня в таком состоянии. Сделав медленный вдох и резкий выдох, я обернулась с вежливой улыбкой на лице.

– А?

Ригель подбежал ко мне и остановился. Сейчас он был прекрасен, как картинка из книги, как фотомодель. Воздушные, развевающиеся даже на слабом ветре, темные растрепанные волосы, легкий румянец на щеках, белая рубашка…фотография с обложки ретро-журнала.

«Итальянская мечта, – любезно подсказало подсознание. – Повезет же его возлюбленной…» – я раздраженно одернула себя. Это меня совершенно не касалось.

Ригель тем временем стоял рядом, смотря на меня нечитаемым взглядом, пытаясь унять немного сбившееся дыхание. А я? Что я…я смотрела в ответ в его глаза, которые словно черная дыра затягивали в странную неожиданно теплую глубину… Не знаю сколько это продолжалось, но очнулась я первая.

– Ты что-то хотел? – спросила я, с усилием сосредоточив внимание на вороте рубашки парня, лишь бы прервать зрительный контакт. Хотя в любое другое время рассматривать оголенную шею парня мне показалось бы странным.

«Да что это на меня нашло. Не нравится же он мне, в самом деле, – раздраженно отрезала я и оценивающе окинула Ригеля взглядом. – Просто красивый парень, каких много. Конечно, это привлекает внимание, – я начала излагать «рецензию» внешности парня у себя в голове. – Фигура как у всех. Черты лица немного грубоваты, впрочем, это выглядит весьма неплохо. Волосы совершенно обычные – темные, слегка волнистые. И глаза…тоже ничего особенного. Глаза как глаза, ну карие с желтоватым оттенком, такие часто янтарными называют, и что? Это не голубые от которых невозможно оторваться…»

Из раздумий меня вывел голос Ригеля:

– Я хотел… – он замялся. Впервые на моей памяти парень выглядел неуверенным, однако недолго. – Я хотел взять твой номер телефона.

Это было неожиданностью. Зачем ему мой номер? Да и он должен у него быть, все-таки десять лет вместе учимся, есть общая группа класса. У меня, например, были контакты всех одноклассников. И его тоже. С таким темным силуэтом на аватарке в соцсети.

– Да, конечно, – сказала я, растерянно улыбнувшись и продиктовала Ригелю свой номер. Он сказал, что напишет сегодня насчет проекта. Его слова не задерживались в моей голове, почему-то заполнившейся белым шумом в попытках как-то логически объяснить, как и почему эта ситуация вообще происходит. Ригель скомканно попрощался и начал отходить.

– Пока, – запоздало произнесла я и махнула ему рукой

Он улыбнулся и, круто развернувшись пошел в свою сторону.

«Что это было? – покачивая головой и улыбаясь, подумала я, вернувшись на дорогу, по которой шла до этого. – Определенно что-то странное. Но, кажется, мы не так уж и плохо ладим…»

Внезапно у меня появилось жгучее желание обернуться. Недолго боровшись с ним, я сдалась. Ригель все также шел своей уверенной походкой с прямой спиной. Стало немного обидно. Непонятно почему, мне на миг почудилось, что он обязательно должен был оглянуться. Но этого не происходило, так что я запихнула все смутные эмоции подальше, в самый дальний ящик, и продолжила свой путь.

***

Ригель

Я смотрел вслед Хатисе, остановившись примерно в ста метрах от дуба. На моих губах расплылась улыбка, а в животе порхали бабочки. Кажется, я наконец понял, что значит это выражение – все внутри меня выделывало такие неистовые кульбиты, что хотелось самому прыгать от радости и бежать куда-то без оглядки, крича от счастья. Не помню, чтобы когда-нибудь испытывал подобное. Что-то во мне гнулось, изменяясь.

«Мы с Хатисой впервые нормально поговорили! – буйствовало мое сознание. – Кажется она даже была не особо против моей компании. И даже улыбнулась, когда я сказал, что напишу насчет совместного проекта. Удивительно. Мне может быть показалось, но Хатиса мне немного симпатизирует. Неправда, конечно, однако все равно приятно. Как лживый комплимент. Хотя от нее сегодня он был серьезен».

Я все смотрел и смотрел Хатисе вслед, расплывшись в глупой улыбке, пока она окончательно не исчезла из виду. Это заставило меня очнуться. Пора, наверное, идти. А то родители будут волноваться. Сегодня у них выходной, так что они меня уже ждут. Мой отец работает в химической лаборатории – разрабатывает новые виды антибиотиков, а мама работает врачом в местной больнице, поэтому у нас редко выдаются дни, когда мы все вместе.

Я заторопился домой, крепко задумавшись, когда в последний раз задерживался после школы. Наверное, классе в шестом, когда еще играл со всеми в снежки зимой. Потом постоянно отказывался от предложений, выдумывая различные причины и меня постепенно просто перестали звать. Я грустно хмыкнул. Тогда это казалось мне крутым. Одинокий юноша с разбитым сердцем, что может быть лучше? Я и сейчас считаю это красивым, атмосферным.

Но отчего-то счастье, переполнявшее меня изнутри, смешалось с горечью. Примерно в равной пропорции. Однако настроение все равно было лучше, чем в любой другой день за последние несколько лет.

Я надел наушники и включил рандомную песню. Из всех, а у меня их нескольких тысяч, выпала весьма позитивная композиция, хоть и совсем спокойная по ритму, больше подходящему грустным трекам. И мне даже не захотелось ее переключить, как обычно, когда попадалась она.

Оглядевшись по сторонам, убеждаясь, что никого рядом нет, я зашептал вызубренные наизусть еще в шестом классе слова. Я шел по дороге, чтобы поскорее оказаться дома с самыми лучшими и комфортными людьми на свете. С теми, от кого никогда не смог бы отстраниться.

***

Хатиса

«Вот это денек!» – с такими мыслями я зашла, а точнее ввалилась, домой, где, конечно, никого не было, кроме нашей «живности». Отец уже довольно давно отбыл в очередную командировку, а мама сейчас на работе. Ее профессия мне нравится – классно ведь изучать животных, ухаживать за ними, следить за тем, чтобы им ничего не угрожало.

Мама всегда любила животных. Собственно, поэтому у нас дома живут попугай по имени Арнольд и ящерка Джин. Папа привез их из одной из своих поездок, хоть и долго сопротивлялся появлению домашних питомцев, однако в какой-то момент сдался. Теперь же попугай, можно считать, его друг. Они ведут светские беседы и смотрят вместе телевизор. Ящерка же по большей степени мамина подруга, ее террариум стоит в родительской спальне. А вот клетка Арнольда в, почти не используемом по назначению, кабинете-библиотеке – маленькой комнате на втором этаже. Но ухаживаю за обоими животными по большей части я.

Пусть домашние питомцы мне очень нравятся, но они бывают очень вредными и надоедливыми. То Арнольд заговорит последи ночи или откроет клетку и прилетит к тебе, то Джин сбегает и приходиться ее искать, хоть этого можно и не делать, потому что она всегда рано или поздно возвращается сама.

И вот как только я закрыла входную дверь, Арнольд сразу уселся мне на плечо и картаво крикнул:

– Привет!

– И тебе «привет»! – передразнила я его, разуваясь. – Похоже пора подобрать тебе замок посложнее…

Покормив попугая и кое-как вернув его в клетку, я пошла проведать Джин. С ней тоже пришлось повозиться – ее террариум уже загрязнился и сам себя он не очистит. Пока я это делала, саму ее пришлось вытащить из домика и положить в небольшую коробочку. Но для нее это не было преградой, и она решила мне помешать, забралась на меня и холодными лапками прошлась по руке. Хохоча и извиваясь, еле получилось ее снять, не уронив. Но на этом Джин не успокоилась и половину времени просидела у меня на плече, иногда касаясь чем-то холодным и мокрым моей шеи, из-за чего я дергалась, а ящерка чуть не падала.

За различными хлопотами время пролетело незаметно. На часах была уже половина шестого, когда я закончила возиться с животными.

«А к урокам еще даже не приступала,» – ужаснулась я и побежала делать домашнюю работу.

Сев за стол, я начала постепенно разбирать рюкзак. Доставая предмет, я либо откладывала его в правую сторону, если его завтра не будет, либо смотрела, что задано и, если задание было письменное, выполняла его и отодвигала в левую сторону. Когда рюкзак по идее должен был быть пуст, я заметила в нем нечто ярко розовое. Ту самую брошюру, которую мне подсунула подруга. А я уже успела забыть про нее…

«Ну, Карина, – подумала я. – ты даешь. Подумать, что я буду этим заниматься… Это ж надо… Хотя мы с ней и не такие тесты проходили…»

Я собиралась смять листовку и выбросить в мусорку, но тут на телефон пришло сообщение, а затем еще несколько, поэтому она просто попала на одну из захламленных полок стола. До поры до времени.

Я взглянула на экран. Это был Ригель. Губы отчего-то растянулись в улыбке. Хоть он и говорил, что напишет, получить сообщение от него, и не одно, все равно до смешного дико. Они гласили:

Привет, это Ригель

Надеюсь, не отвлек ни от чего важного

Во сколько ты завтра будешь выходить в школу? Просто подумал, что хорошо будет обсудить примерный план проекта до того, начнем его делать

Я хохотнула. Он что, хочет встретить меня у дома? Как романтично. Карина бы точно оценила.

Привет

Не волнуйся, не отвлекаешь

Ну, я буду выходить минут за пятнадцать

Ты хочешь зайти за мной перед школой?

Да, если ты не против

Я задумалась. А против ли я? Как будто бы нет. Сегодня мы с Ригелем вроде неплохо пообщались. Да и вправду надо все обсудить. Только почему нельзя обсудить сейчас? Так ведь проще. Но одной в школу шуровать не хочется. К тому же отказываться от общества красивого парня…не принято. Меня просто не поймут. В любом случае проект нужно сделать хороший, поэтому придется работать в паре.

Я долго убеждала себя в том, что засматриваться на красивых людей нормально, ни к чему не обязывает и ничего не значит, и что предложение парня не такое уж странное. В итоге отправила:

Тогда встретимся на повороте?

Не к моему дому же ему подходить. Он, конечно, хотел зайти за мной, ну, мне так показалось. В любом случае обойдется.

Парень ответил с небольшой заминкой.

Хорошо

До завтра, получается

Ага

Напечатала я, почему-то хмыкнув, и Ригель сразу же вышел из чата.

«А он забавный, – подумалось мне. – А еще, соблюдает правила препинания…»

Отложив телефон, я вернулась к оставшимся делам, собрала рюкзак, махнула рукой на бардак на столе, приготовила одежду на завтра. Посмотрев на часы, отметила, что уже пол восьмого вечера – мама что-то задерживается. Занятий больше никаких не было, а это значило, что… книгу в студию! Я взяла одну из множества лежащих на моем стеллаже и села читать, но прошло буквально минут пять, как в входной двери провернулся ключ, и она открылась. Я с легкостью оторвалась от знакомых страниц – как раз глава закончилась, к тому же данное произведение я перечитывала не в первый раз, и побежала вниз – встречать пришедшую.

Она как раз разувалась, когда я спустилась.

– Привет! – поздоровались мы в унисон и вместе хохотнули.

Я подошла в маме, обняла и поцеловала в щеку. Собственно, как и она меня.

– Ну что, пойдем готовить ужин? – задала риторический вопрос мама и мы отправились на кухню. Скука и тоска, напавшие на меня в последнее время, отступили. С ней всегда было весело.

***

Ригель

Сегодня такой… необычный день! Все идет так хорошо, что не верится, что это происходит наяву, а не во сне. Хотя, если вспомнить, то с утра и еще много лет до этого у меня было упадническое настроение, все было серым, бессмысленным, ненужным. Я постоянно чувствовал усталость, хотелось спрятаться от всех и надолго, если не навсегда, уснуть. А сейчас… все нормально?.. Сидя на кухне за общим столом, я улыбаюсь, слушая рассказы папы и мамы об их молодости, не ощущая себя… мертвым внутри. Даже страшно от такой перемены. Мне было хорошо с тем ощущением. Я был особенным…

Родители учились в одном классе. Мой отец в школе был главным сорванцом и доводил учителей до белого каления своими выходками. Однако учился он очень даже неплохо и нередко участвовал в различных конкурсах. Чтобы приструнить его, их классный руководитель подсадил к нему мою маму и только тогда они по-настоящему познакомились. Мама не была в школе отличницей, зато всегда соблюдала дисциплину. Мой отец вел себя на уроках очень вальяжно и болтал с учителями, как со своими ровесниками, маму это очень раздражало. А папу удивляло ее поведение, он не понимал, как можно быть такой замкнутой. Поэтому папа решил ее разговорить. Он стал помогать ей в учебе, объяснял непонятные темы, вскоре мама стала более открытой и иногда вступала в научные споры учителей и моего отца. Впоследствии они стали отличным тандемом, закончили школу с золотыми медалями, чем папа очень гордился, это ведь он помог маме достигнуть этого. Потом учились в одном университете, но на разных факультетах, что, в общем-то, не мешало им вместе готовиться к сессиям и постоянно засиживаться в библиотеке допоздна.

Папа в который раз смешно рассказывал о том, как они один раз заснули в библиотеке, а на следующий день их разбудила возмущенными криками злая библиотекарша. Я впервые за долгое время искренне, по-светлому смеялся, нисколько не сдерживаясь. Мама тоже тихонько хихикала, прикрывая рот ладонью. Папа же во всю улыбался, радуясь произведенному эффекту.

Мне было уютно и хорошо, я был дома. Там, где мне не нужно никого из себя строить. Вот только… это казалось слишком простым, чтобы быть ценным.

Я взглянул на часы. Было уже семь часов вечера, а уроки так и оставались не сделанными.

Скрепя сердце, я взял свою тарелку и встал из-за стола, манерно, даже пафосно сказав:

– Спасибо, это был восхитительный ужин, но я, пожалуй, вас покину, а то домашнее задание само себя не выполнит.

Мама фыркнула и махнула рукой, тоже вставая, чтобы помыть посуду.

– Иди давай.

Выйдя из кухни, я поднялся по лестнице и пошел в свою комнату. Сел, точнее упал в компьютерное кресло у стола и глубоко вздохнул.

«Как же не хочется делать уроки, – подумал я, отчаянно ища поводы повременить с ними. – Вот хоть убейся, – мой взгляд упал на телефон. – Может написать Хатисе? А почему бы и нет?»

Я взял его в руки. Нашел контакт Хатисы. На ее аватарке оказалась открытая книга рядом с чашкой… чего-то. Уже открыв клавиатуру, я остановился. А что говорить-то? Хороший вопрос…

Кое-как определившись с текстом, я отправил сообщение.

Ответ пришел довольно быстро. От его звука я вздрогнул, а по моим плечам будто прошел ток.

Привет

Не волнуйся, не отвлекаешь

Ну, я буду выходить минут за пятнадцать

Ты хочешь зайти за мной перед школой?

Мне прилетел мысленный подзатыльник от самого себя. А ведь я даже не подумал о том, что мое предложение прозвучит…немного странно, а еще о том, что банально не знаю, где она живет. Но отступаться от своих слов поздно.

Да, если ты не против

Сердце колотилось, в лицо хлынул жар, пальцы то сводило, то начинало трясти. Я ждал ее ответа. Мне казалось, что Хатиса собирается отказаться и сейчас подбирает слова помягче. Следующее сообщение пришло только через несколько минут.

Тогда встретимся на повороте?

Смысл последовательности букв доходил до меня долго. Хатиса все-таки согласилась. Место ступора заняла робкая радость. Внутрь словно налили сладкого, свежего лимонада. Я быстро написал ей, улыбнулся пришедшему ответу и выключил телефон. Хотелось петь, может даже пританцовывать, но не тоски и грусти, как раньше, а от… того, что мне *хорошо*. Сегодня определенно… интересный день.

***

Хатиса

–Ммм, это восхитительно!

Мы с мамой сидели за столом и ужинали. Спагетти с омлетом вышли на ура, и теперь им воздавались восторженные оды.

Мы уже приступили к чаю, когда мама спросила:

– Как в школе дела?

Я не ожидала этого вопроса, хоть и слышала его довольно часто, поэтому ответила немного натянуто:

– Все хорошо, даже отлично. А что?

– Да так, ничего, – мама отвела глаза и немного помолчала. Продолжив говорить, она снова взглянула на меня. – Просто ты давно мне ничего про учебу не рассказывала.

Я почувствовала укол совести, а и вправду – давно мы с мамой на эту тему не общались. Это нужно было исправлять.

– Ну, тогда, думаю, тебе будет интересно послушать о том, что случилось в школе за последнюю неделю.

И я начала рассказывать обо всем, что происходило со мной на уроках – про то, что на физкультуре мы прыгали через козла, а на геометрии повторяли косинусы и синусы, и как это было скучно, про увольнение Ларисы Анатольевны и приход нового учителя биологии Андрея Николаевича. Когда разговор дошел до того, как он вел урок, я внезапно почувствовала, что совсем не хочу рассказывать про заданный им совместный проект и замялась. Нужно было сменить тему, и я ляпнула первое, что пришло в голову:

– А как у тебя дела на работе? Как поживают новорожденные рысята?

Мама вздернула брови. Кажется, я слишком резко перевела разговор в другое русло. Настороженно глядя на меня, она ответила:

– С ними все в порядке, они уже начали открывать глазки, а что?

– Да так, ничего. Просто интересно, – я наигранно безразлично пожала плечами. – А медведи же уже проснулись?

Это была фатальная ошибка. Осознание пришло даже раньше, чем фраза закончилась. Мне хотелось треснуть себе по лбу, да посильнее.

«Какие медведи в мае!?»

Мама пораженно похлопала глазами.

– С тобой все хорошо? – немного посмеиваясь произнесла она, отпивая глоток чая.

Разрываемая изнутри непониманием, почему мне не хочется говорить о Ригеле, на которого довольно часто жаловалась маме, я молчала, сгорая от стыда. Наверное, это и заставило ее заволноваться.

– Что-то случилось? – голос звучал напряженным.

Перед моими глазами всплыл образ Карины, так же переживающей за меня. Однако и в том, и в другом случае это бессмысленно. Они заботятся о том, чего не существует. Меня кольнула совесть, взявшаяся неизвестно откуда. Я что, виновата в том, что не могу до конца разобраться в своих чувствах? Или в том, что не испытываю их?

– Нет, ничего, – сказала я, мягко улыбнувшись, и отпила, уже остывший чай, чтобы хоть как-то разбавить гнетущую обстановку, создаваемую повисшей тишиной. Мама мне не поверила.

Вдруг послышался ее слабый голос:

– Может сейчас ничего и не случилось, и ты можешь мне ни о чем не говорить, но… просто знай, что я всегда буду рядом.

В носу защипало. Подобное, насколько бы привычным не было, всегда остается безумно ценным. Дороже всего на свете. И мне кажется, я никогда не смогу быть достаточно благодарной за это.

– Спасибо, – прошептала я, опустив взгляд, сжавшись, будто защищаясь, скрывая свое сердце от прикосновений извне, переживая сильные эмоции внутри.

Мама встала из-за стола и подошла ко мне. Я тоже встала и обвила ее руками, утыкаясь ей в плечо, ощущая ее ладони на своей спине. Это было до ужаса неуклюже и неловко, но… разрывать объятия не хотелось – ведь в них так тепло и уютно.

– Все для тебя, – тихо пробормотала мама над моим ухом и, через несколько мгновений, отстранилась.

– Ну все, все… иди спать, уже поздно, а завтра рано вставать, я уберу со стола, – она сжала мои пальцы, улыбнулась чему-то, и поцеловала меня в щеку. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – повторила я и вышла из комнаты в самых смешанных чувствах.

Глава 2.

Ригель

Я проснулся, что удивительно, не от звука будильника, прозвучавшего уже после нескольких моих переворотов с одного бока на другой. Солнце пробивалось в щель между плотными шторами, заливая комнату слабым светом.

«Как же не хочется вставать…» – подумал я заторможенно, тем не менее чувствуя себя на удивление хорошо, намного лучше, чем обычно после пробуждения. Да и заснул я вчера довольно быстро. Теплое одеяло и подушка не хотели отпускать меня, подталкивая на мысль: «Может не пойти в школу?».

Точно. Школа. Хатиса. Когда резко сел в кровати, в глазах потемнело, но я не обратил на это внимания и спустил ноги на пол.

В налитом энергией теле заискрилось волнение от предвкушения и страха перед… встречей с девушкой. Понятно, что мы и так почти каждый день видимся, но… не так. Мне нельзя ударить в грязь лицом, поэтому первым делом я пошел… умываться.

Тихо, стараясь не разбудить родителей, заслуживших поспать в редкие выходные, я спустился на кухню, чтобы приготовить себе кофе, но внезапно понял, что не хочу его пить. Мысли о докладе по биологии и том, как мы будем его делать взбодрили меня лучше любого кофе, ставшего уже вредной привычкой.

Налив себе воды и поставив жариться яичницу, я сел за кухонный стол и взглянул на телефон, оказавшийся у меня в руке. Время было семь пятнадцать утра. Я вполне успевал. Мои пальцы быстро набрали пароль и открыли нашу с Хатисой переписку, чтобы перепроверить, что мне это не приснилось и мы действительно должны встретиться, а именно без пятнадцати восемь. Я быстро пробежался глазами по тексту, убеждаясь, что все было верно и… выглядело весьма нелепо. Настолько нелепо, что мне стало смешно, а не стыдно. Правда смех был больше похож на истерический…

Тут я перевел взгляд на фотографию Хатисы и увидел надпись под ней: «в сети». Сердце пропустило удар. По двум причинам. Первая – что подумает Хатиса, если заметит, что я тоже «в сети» и догадается, что я читаю нашу переписку. А вторая…что, если я воспользуюсь этой возможностью и напишу…

Тут, повеяло каким-то странным запахом, как будто что-то горит…

«Яичница!» – чуть не закричал я и быстро вскочил на ноги, одним махом оказавшись рядом с плитой. При взгляде на содержимое сковородки, стало ясно, что завтрак утрачен безвозвратно.

«Дурацкая индукционная плита, чтоб она сгорела! Зачем так быстро греть?!»

Яичницу, а точнее то, что от нее осталось, пришлось выбросить. Придется готовить заново. И побыстрее. Я взял телефон, чтобы посмотреть сколько у меня осталось времени и неожиданно увидел два новых сообщения. От Хатисы. Что-то внутри заискрило. Я не решился написать ей, зато это сделала она.

Я открыл наш чат.

Привет

Слушай, тут такое дело… в общем мы не сможем пойти вместе. Мама попросила сходить за хлебом, а после школы идти не хочу

На смену радости пришло разочарование. Не знаю, что я хотел там увидеть, но точно не это. Досадно. Сначала спалил завтрак, теперь это. В голову пришла мысль, что возможно это вообще просто дурацкая отговорка. Хотя Хатиса вроде не из тех, кто отказывается от начатого… В любом случае, может быть нам по пути?.. У нас не так много мест, где можно купить

хлеб, а недалеко от моего дома стоит булочная, и я достаточно часто замечаю Хатису на моей улице, может ей нужно именно туда?

Я быстро написал сообщение:

Случайно не в Бонжур?

Просто мне туда нужно

А про себя додумал: «А еще я спалил яичницу и завтракать мне банально нечем. Возьму себе там что-нибудь.».

Ответ не пришлось долго ждать:

Да, туда

Следующие слова дались мне с трудом.

Может встретимся там?

Секунды ожидания казались минутами, если не часами. Казалось бы, ничего не значащая встреча, которая скорее всего ничего не изменит, но… вдруг?

Если успеешь к семи двадцати

Несмотря на довольно грубую форму, завуалированное соглашение вызвало облегчение. Риск был оправдан.

Хорошо

Вдох-выдох. «Спокойствие. Только спокойствие. Так, сколько у меня есть времени?» – я взглянул на часы, поднимаясь наверх в свою комнату. – Пять минут!?»

Собираться пришлось впопыхах. Побросав, учебники и тетради в рюкзак, даже не сверившись с расписанием, надев подпрыгивая на одной ноге первые попавшиеся носки, я сбежал вниз по лестнице, создавая больше шума чем нужно, и вылетел на улицу, начиная забег от дома до булочной.

Было ровно семь двадцать. Хатисы еще нет. Это хорошо. Потому что я сильно запыхался и не хотелось бы чтобы Хатиса это заметила. А она легка на помине – уже появилась на другом конце улицы. Когда девушка немного приблизилась, я заметил, что ее волосы были собраны в изящный пучок, а две прядки возле лица были оставлены распущенными, она была одета в легкую бежевую юбку и белую рубашку. Это было очень красиво, хотя особой оригинальностью не отличалась.

– Ну привет, – я улыбнулся. – Опаздываешь?

В моем голосе промелькнул смешок, а она, как будто не замечая моей укоризны, ответила:

– Привет, – девушка выдержала паузу, оглядела меня с ног до головы, слегка вскинула бровь, улыбнулась краешком губ, однако ничего не сказала.

«Заметила? Или все-таки нет?» – нервно подумал я, поправляя края рубашки, воротник, волосы… Мои самоистязания прервала Хатиса.

– Пойдем?

– Да, – я тряхнул головой, избавляясь от навязчивых мыслей. – Пошли.

Мы зашли в булочную. Послышался звон маленьких колокольчиков, известивший о нашем прибытии. Повеяло запахом свежей выпечки, и я понял, насколько же хочу есть. Пока Хатиса покупала хлеб, я словно приклеился к витрине с булочками и прожигал ее голодным взглядом. Когда девушка отошла от прилавка, я ринулся к нему и чуть не прокричал:

– Четыре булочки, пожалуйста. С сыром, со сгущенкой, с корицей и с сахаром.

***

Хатиса

Мы вышли из булочной. Ригель нес целых четыре булочки и выглядел донельзя счастливым.

«В него точно это влезет? – спрашивала я сама себя. – Куда ему, это все банально не поместится… Да, такого…голодного Ригеля я еще не видела. Я вообще никогда не видела, чтобы он ел».

– Куда идем теперь? – спросил парень, открывая пакет и заглядывая в него.

– Нужно занести хлеб домой, не таскаться же с ним весь день, – пожав печами, ответила я и, подумав, спросила, даже не зная, какой ответ хочу услышать. – Ты со мной?

На это Ригель только кивнул, что-то промычав, и произнес.

– Какую будешь?

Я сначала даже не понимала, о чем он, пока парень не начал перечислять.

– Есть обычная, с сыром, со сгущенкой, эту хотел я, но мне в общем-то неважно, – быстро говорил он, с непреклонностью танка, заставляя меня чувствовать себя все более и более неловко. – И еще… с чем еще? – он нахмурился, вспоминая. – А с корицей. Выбирай.

Вид улыбающегося Ригеля, протягивающего мне пакет с булочками, был каким-то нереальным, явно не из этой вселенной. Да и вообще даже то, что мы вместе ходили в булочную, звучит странно.

– Нет, спасибо, – я улыбнулась, сглаживая острые углы.

– Да ладно тебе, – парень махнул рукой. – Угощаю.

– Ладно, – я заправила прядку за ухо. – Давай… обычную.

Ригель протянул мне одну булочку и взял другую, сразу принялся ее уплетать. Она исчезла меньше чем за минуту, и он приступил к следующей. А я едва успела осилить половину от своей. Чем больше он ел, тем счастливее становился. Казалось, еще чуть-чуть и парень замурчит как довольный, наевшийся сметаны, кот. Эту часть дороги мы молчали: Ригель уминал булочки, а я просто не знала, что сказать.

Этим ранним, безлюдным утром было спокойно, несмотря на необычную компанию.

Парень, закончив со второй булочкой, грустновато вздохнул и произнес:

– Последняя твоя.

Я удивилась. Он с таким рвением уплетал их, а теперь отдавал мне последнюю. Взять ее было бы кощунством. Да, к тому же, я еще со своей не закончила, куда мне еще. Мама и так меня сегодня закормила на завтраке. Такими темпами скоро в джинсы не влезу.

– Нет, спасибо, – попыталась я отказаться и опустила взгляд вниз. Так как Ригель стоял совсем рядом мой взгляд уперся в его ноги. Я только сейчас заметила, что его носки…разного цвета?! Это смотрелось так нелепо. Обычно собранный, серьезный, доводящий все до идеала или не начинающий вообще, он даже не заметил, что у него непарные носки. Невольно у меня вырвался смешок. Я тут же прикрыла рот рукой, но было уже поздно.

– Эй! Что смешного? – непонимающе и немного обиженно возмутился Ригель.

У меня было хорошее настроение, поэтому я поманила парня рукой. Он только посмотрел, нахмурив брови. Тогда я подошла сама, встала на носочки и тихо прошептала ему на ухо:

– Знаешь, – я выдержала паузу. – У тебя носки разные.

Ригель замер. А потом заторможенно наклонился и посмотрел на свои ноги. Он задержал взгляд секунд на пять и только потом поднял голову с уставшим видом. Его уши немного покраснели, но не более. Парень закрыл глаза ладонью и потер переносицу, раздраженно выдохнув:

– Что же это такое-то, а? – выдохнул Ригель.

Не сдержавшись, я хихикнула. Он выглядел так забавно и…даже глупо в этот момент. Его бессильная злость на самого себя была такой…знакомой.

– Яичницу спалил, едва не опоздал, теперь это, – забормотал Ригель себе под нос, но мне все равно было слышно. – Что еще я сделаю не так?

Мне не верилось, что передо мной стоит тот самый человек, которого я вижу в классе. Парня словно подменили. Ну не может он быть таким…обычным что ли. Но такой Ригель мне точно нравился больше. Отчего-то это высекало внутри меня искорки радости, совсем детского восторга от происходящего.

– Так вот почему ты был таким голодным! – злорадно протянула я.

Кажется, парень только сейчас вспомнил о том, что он вообще-то не один, и теперь неуверенно глядел на меня сверху вниз. Видимо решив что-то для себя, Ригель произнес, всплеснув руками, одновременно улыбаясь и хмурясь:

– Это все дурацкая индукционная плита! Она слишком быстро нагревается! Родители поставили ее неделю назад. До сих пор не могу привыкнуть. То раньше снимаю, то позже.

– Так может, это не плита виновата, а у кого-то руки корявые? – ехидно хмыкнула я.

– Намекаешь на то, что я не умею готовить? – протянул парень с ноткой недовольства.

– Вот видишь. Сам признался, – вставила я еще одну шпильку в наш разговор, ощущая уже спортивный азарт. До какого состояния можно его довести?

–Не вырывай из контекста, – протянул слащаво он. – И вообще, то, что мужчины не умеют готовить, это плохой стереотип. Не думаю, что ты сама сможешь приготовить хоть что-нибудь пристойное на индукционной плите, если только не пользовалась ей до этого, – Ригель скрестил руки на груди продолжая отстаивать свои позиции, смотря со своей «колокольни».

Эти слова уже задели меня за живое. Своими кулинарными способностями я гордилась.

– Если ты такой профан в современной технике, это не значит, что все остальные такие же, – как бы равнодушно подала я плечами. – Но я не думаю, что ты бы приготовил что-то стоящее и на обыкновенной плите.

Ригель вдруг хмыкнул и успокоился. В его глазах появился странный игривый огонек, и он, с долей насмешки в голосе, сказал:

– Раз я такой «профан в современной технике», как ты выразилась, может ты покажешь мне как надо? – Ригель говорил это медленно растягивая слова. – Или нет. Не так. Устроим настоящий баттл. А? У кого выйдет вкуснее.

Я опешила от этих слов. А он тем временем смотрел на меня со смехом в глазах. Как будто издеваясь. И я решила…принять вызов.

– Отличная идея! Надо еще подобрать дегустатора со стороны. Чтобы все было честно, – теперь, приторным голосом издевалась я. А у Ригеля…глаза на лоб полезли. Он определенно не ожидал, такого поворота событий. Думал, что я откажусь. Не на ту напал.

Но быстро собравшись, парень ответил:

– Не боишься?

И опять эта издевка. Но она была какой-то доброй, почти дружеской.

– Ни капельки.

– Ну ладно. Сама напросилась, – Ригель скрестил руки на груди. – Как насчет…воскресенья? Утром, часов в одиннадцать? У меня как раз дома никого не будет.

Отвечая, я до сих пор пребывала в небольшом состоянии эйфории. Тем не менее это мне не помешало подметить все нюансы. Правда это не значило, что мне удалось здраво…оценить ситуацию. Меня приглашал к себе парень, говоря при этом, что дома никого не будет. Но тогда все мысли просто отключились.

– Хорошо, – кивнула я. – Пусть будет воскресенье. Но, кто будет дегустировать?

Ригель призадумался.

– Сложный вопрос… может кто-нибудь из учителей.

– Можно и так, – согласилась я. – При условии, что это будет не Эванесса Дмитриевна. А то она подсуживать будет.

– И не Елена Александровна, – парировал Ригель. – Вообще, я бы хотел пригласить Андрея Николаевича. Мне кажется, так будет честнее всего.

– Согласна, надеюсь у него не будет важных дел, – в этом вопросе мы имели одинаковое мнение.

– Тогда договорились, – Ригель протянул мне руку. Я аккуратно вложила свою ладонь в его, которая оказалась неожиданно теплой. Он мягко сжал мои пальцы и тут же отпустил. Почему-то это немного выбило меня из колеи. Но внешне я только улыбнулась и сказала:

– Пошли, тут немного осталось.

Развернувшись, я прошла несколько метров и свернула на право, чувствуя, что Ригель идет за мной. Вдруг он сказал:

– Так ты будешь булочку? Или я могу ее съесть?

Я задумалась. Отказываться не очень вежливо, но и принять ее совесть не дает – Ригель же голодный. Но тут мне в голову пришла идея.

– А давай напополам?

Ригель немного удивился, но спорить не стал. Вместо этого он протянул булку и сказал:

– Отрывай.

Она была с корицей, поэтому, чтобы руки потом не были липкими, я отрывала ее очень осторожно, чувствуя себя максимально неловко, стоя напротив парня. В процессе я несколько раз случайно коснулась его пальцев, отчего по всей руке словно проходил совсем слабый разряд тока. Ощущения были…неясными, а анализировать их…мне было лень.

Оторвав себе кусок, и да, конечно же он был меньше куска для него, я подняла голову и встретилась взглядом с Ригелем. Он глядел на меня с легкой, даже нежной улыбкой на губах. Я невольно засмотрелась. Его глаза оказались неожиданно теплыми в свете позднего восходящего солнца. Но долго это не могло продолжаться. Мне пришлось оторваться первой, будто пересиливая притяжение слабого магнита.

– Спасибо, – все, что я смогла сказать. И, чтобы не было неловкой паузы принялась уплетать булочку. Ригель последовал моему примеру. Остаток пути мы провели в молчании. Подойдя к своему крыльцу, я спросила:

– Зайдешь?

– Нет, подожду снаружи.

– Хорошо, – прозвучал мой равнодушный ответ, и я зашла внутрь.

***

Я вышла из дома. Дул легкий прохладный ветерок. Было так приятно, что я не сразу заметила отсутствие того, кто меня вообще-то должен был ждать. Я посмотрела по сторонам, но парня нигде не было. Потом, подумав, что Ригель просто подшутил надо мной, зашла за дом, но и там его не оказалось.

«Не могло же мне все это привидится?» – убеждала я себя. – Он, что, меня бросил?! М-да, прозвучало плохо, – мне не удалось сдержать фырканье. – Будто он мой парень. Нет, ну а что, у нас в стране свобода мысли…»

Завернув за угол, вернувшись к крыльцу, я обнаружила парня как ни в чем не бывало стоящего на дороге, повернувшись ко мне спиной, высматривая что-то в телефоне.

В груди разлилось бурлящее предвкушение. Это будет весело.

Я максимально тихо и осторожно, чтобы не привлекать внимание Ригеля, подошла к нему почти вплотную и постучала ладонью по плечу.

– А что ты здесь делаешь? – вопрос конечно глупый, но другого я не придумала.

Парень вздрогнул и обернулся.

– В смысле? – не понял он. – Тебя жду. А вот как ты как тут оказалась, я не против узнать. Подземный туннель из дома прокопала?

– Тебя ищу. Просто я вышла, а тебя нет, – пропела я сладким голосом.

Ригель выглядел раздосадованным этим заявлением, втянул воздух через зубы так, что жилки на шее натянулись.

– Мы, видимо, разминулись, – тонким голосом произнес он, полусмеясь. И видя мой не понимающий взгляд пояснил. – Я домой бегал, носки менять.

И вправду они теперь были одинаковые – оба черные.

– Но кажется не успел, – продолжил Ригель, качнув головой.

Кусочки пазла в моей голове наконец-то сложились, и я тоже засмеялась. Сейчас мне было так тепло и легко на душе. Как с Кариной. Мне пришлось запрятать это сравнение в самый дальний ящик моего сознания. Оно было… сложным.

Ригель первым перестал смеяться и проговорил, постепенно становясь серьезным:

– Ладно, ладно, – в его голосе все еще мелькала задорная искорка. – Рюкзак взяла?

Я фыркнула и показала ему лямки на плечах.

– А то, у меня десять лет опыта сборов в школу.

– Отлично, тогда пошли.

И мы зашагали по направлению к школе. Вдруг я спросила:

– А сколько времени?

Ригель достал из кармана телефон, взглянул на экран и остановился как вкопанный. Я по инерции прошла чуть вперед, а потом обернулась, поднимая брови в немом вопросе.

Парень поднял невидящий взгляд и сказал:

– Без пяти восемь.

***

Ригель

– Без пяти восемь, – шокировано произнес я.

Куда все время делось? Кажется, что мы с Хатисой только минуту назад выходили из булочной, а пять минут назад я был дома и «готовил» яичницу.

Хатиса смотрела на меня округлившимися глазами, явно недоумевая.

– Серьезно? – проговорила девушка, не особо надеясь на то, что я просто пошутил.

– Абсолютно.

– Ужас тихий, – прошептала Хатиса.

Меня это выражение позабавило. Я хмыкнул и снова взглянул на экран.

– Уже осталось четыре минуты, – меланхолично известил я.

– Так что мы строим? – засуетилась Хатиса. – Пошли быстрее.

– Да не успеем уже. Да и куда нам торопиться? Не на уроки же идем, – протянул я.

Хатиса задумалась. Она немного замялась, но сказала:

– После звонка нас не пустят. А значит…

– Нет, – простонал я. Опять бежать.

– Да, – подтвердила мои опасения Хатиса и побежала.

Мне пришлось последовать за ней. Сначала я бежал медленно, максимально лениво, но, когда девушка выкрикнула, прибавив скорости, «чего плетешься?», моя гордость была задета. Я наплевал на свое нежелание и мигом догнал, даже немного перегнал, Хатису. А она все равно пыталась прийти первой. Я решил ей уступить. Поэтому девушка прибежала к школе первой, довольно улыбаясь и показав мне язык.

И это было… чертовки мило. Она радовалась словно ребенок, получивший желаемую конфету, которую хотел старший брат или сестра. А вообще Хатиса была такая хорошенькая с покрасневшими от бега щеками и растрепанным волосом. Тут я вспомнил, что, когда мы начинали бежать, у Хатисы был пучок, а сейчас ее волосы струились золотым водопадом по плечам. Я даже не заметил, когда ее прическа сломалась.

В школу мы зашли, едва успев до звонка перейти через турникет. И вскоре были в кабинете биологии.

Он встретил нас гробовой тишиной и… отсутствием света. Пока Хатиса пробиралась к выключателю, в моей голове всплыла уже знакомая картина класса и нас, склонившихся над книгой. Только сейчас она обросла различными подробностями: приглушенный свет, у Хатисы распущены волосы, мы держимся за руки под партой. А что, кто-то имеет право запретить мне думать?

Из мечтаний меня вывел резко включившийся свет. Я заморгал от такой резкой смены освещения.

Девушка прошла между партами и опустилась за учительский стол, включая компьютер. Она держалась неуверенно, но делала хоть что-то. В отличии от совсем растерявшегося меня.

Я последовал ее примеру и, взяв стул с первой парты, присел рядом. Это было жутко непривычно и смущающе. Хатиса достала из рюкзака учебник по биологии и спросила:

– Ты читал параграф?

Ха-ха. Смешной вопрос. Она ведь и так знает, что я его читал и выучил вдоль и поперек. Я фыркнул.

– А ты как думаешь?

Девушка закатила глаза и произнесла:

– Ну мало ли. С чего тогда начнем?

– С определения, наверное, – я пожал плечами. – Что такое генетика и так далее. Как она появилась и что представляет собой сейчас, – это было придумано еще вчера, пока я сидел на уроках, поэтому прозвучало без единой заминки.

– Хорошо, тогда диктуй. Я буду печатать, – Хатиса с довольным видом открыла приложение для создания презентаций. – Потом перекину на флешку и дома картинки добавлю, вообще огонь будет. Ну, давай.

Я вдруг растерялся и все слова вылетели из моей головы.

– Сейчас, возьму учебник, чтобы не наврать, – сказал я спокойным голосом, хотя внутри почему-то был невероятно взволнован.

Я начал рыться рукой в рюкзаке, ища книгу. Но она что-то не находилась.

– Да где же, – тихо возмутился я и начал все вытаскивать. Чего только у меня не было: пенал, отдельный пенал с карандашами, альбом, семь тетрадей, четыре черновика и шесть учебников. Беда в том, что среди них не было книги по биологии.

«А вот тетрадь по биологии как раз-таки мне не понадобится, – я мысленно ударил себя ладонью по лицу. – И что теперь делать?»

А перед глазами крутилась уже знакомая картинка. Она становилась все более вероятной. Я отогнал от себя это наваждение и взглянул на Хатису. Она смотрела на меня едва сдерживая смех. Я покраснел.

И за что мне это все? Сначала яичница, потом носки, теперь учебник. Делать нечего, придется попросить у Хатисы.

–Я забыл учебник, —произнес я, отведя глаза в сторону и потерев ладонью шею. – Можешь одолжить свой?

Хатиса все-таки не выдержала и рассмеялась. Я последовал ее примеру. Когда все идет не так лучше смеяться, чем плакать. Девушка, продолжая хихикать, протянула мне книгу со словами:

– Горе ты мое луковое!

Я фыркнул, выражение было забавным, но сердце все равно екнуло. Слишком по-родному это прозвучало.

Скрытые желания и симпатия активно просились наружу. Так и хотелось прямо сейчас признаться в любви Хатисе, плевать на последствия. Но меня сковывает страх от одной только

мысли о негативной реакции девушки. Риск разрушить подобие приятельских отношений, что появились между нами этим утром, слишком велик. Это слишком большая цена за попытку.

Я заторможенно взял учебник из рук девушки, случайно задев ее пальцы своими, отчего неосознанно задержал дыхание. Вроде бы в этом нет ничего такого, но у меня все равно перехватывает дух. Хотя если так подумать, то я позволяю прикасаться к себе только… родителям. Да и то, весьма редко.

– Ну, – наконец-то собрался я с мыслями и открыл книгу. – Начнем с этого…

Мы закончили работу всего за двадцать минут. Это было на удивление просто. Хатиса оказалась прекрасным компаньоном, поправляла меня, где было нужно, иногда добавляла что-то от себя. Доклад хоть и получился достаточно коротким, но зато простым и емким. Мне кажется, что, если наши одноклассники послушают, то у них не будет никаких вопросов и недопониманий темы. Проще рассказать просто невозможно.

Наступила неловкая тишина. Никто из нас не спешил ее нарушить. Я посмотрел на часы. Восемь двадцать девять. Просто супер. До конца первого урока еще одиннадцать минут, а до этого из класса выходить нельзя – директор строго-настрого запретил ученикам гулять по коридорам в учебное время.

Хатиса сидела рядом и молчала. Она сидела близко – буквально протянешь руку и коснешься ее. В классе резко стало очень жарко. Мои ладони вспотели. Никогда мне еще не было так неудобно сидеть за одной партой с девчонкой… Правда учителя постоянно садят меня с Оливером. Сердце участило свой пульс. Очень хотелось прикоснуться к Хатисе, почувствовать ее руку в своей, провести пальцами по бархатной коже… Я попытался стряхнуть с себя наваждение. Было очень тяжело дышать ровно. Казалось, каждый мой вздох был громче грома при грозе. Душно. Капелька пота скользнула по спине. Как же неловко. «Интересно, ей тоже сейчас не по себе от этой ситуации?» – внезапно подумал я, попытавшись немного абстрагироваться. Конечно, у меня ничего не вышло. Мысли путались, не желая выстраиваться в нормальные предложения, все нервы были напряжены до предела.

Вдруг я почувствовал на себе чужой взгляд. Сердце застучало еще быстрее, когда я посмотрел на девушку в ответ. Ее зеленые глаза смотрели на меня, как будто изучая, пронизывая насквозь, прокрадываясь в самые темные, самые потаенные уголки души. Я просто тонул в них, пытаясь понять в них правда есть голубые вкрапления или мне кажется.

Казалось, что время остановилось, и только мое сердце, чеканившее свой бешеный ритм, напоминало о его непрерывном течении. Вдруг, я вспомнил, какой была Хатиса в шестом классе. Она особо с того времени не изменилась. Даже почти не выросла.

Я бы так и остался в прострации, но внезапный вопрос Хатисы мигом спустил меня на землю.

– Ты занимаешься музыкой?

– Что? – только и смог ответить я, опешив от такого резкого возвращения на землю.

– Просто ты так красиво пел вчера под дубом, – смущенно затараторила девушка. —Вот я и решила… Ладно, забудь.

Она нахмурилась, махнула рукой, и отвернувшись, замолчала.

А тем временем в моем сознании что-то как будто заклинило. Ей правда интересно, что я там брынчу?.. Это же…такая бессмыслица. Есть люди намного талантливее и лучше меня. А мое «творчество» весьма сомнительно.

– Ну, можно и так сказать. Я самоучка, – с небольшой задержкой ответил я, ощущая странное, приятное чувство в груди. – В общем-то ничего серьезного, так, больше для души…

Хатиса повернулась обратно и снова заговорила, до сих пор не смотря мне в глаза:

– Получается, что ты очень талантлив, раз сам научился петь.

Я немного смутился. Мне никогда не казалось, что я имею какие-то необыкновенные вокальные данные. Зачем она мне льстит?..

– Вообще, – протянул я, как бы пытаясь с ней поспорить. – Когда я был маленьким и мы с семьей жили в другом городе, меня начал обучать игре на гитаре мой дядя, а петь никогда не учился, просто повторял за знаменитостями, – на недоверчивый взгляд девушки я только пожал плечами. – Просто любил музыку слушать.

Кажется свой ежедневный лимит слов, я потрачу еще до того, как выйду из кабинета, если уже этого не сделал.

– Получается, ты и на гитаре играть умеешь? – утонила Хатиса, наклонив голову.

Я только кивнул. А что говорить-то, ну умею, и что?

– Вау, – выдохнула она, расширив глаза. – Ты не думал заняться музыкой всерьез?

Вопрос со звездочкой. Не могу же я сказать ей, что уже сочинил целую кучу треков и во всю пою о своей неразделенной любви. Правда в одиночестве.

Я даже не успел нормально подумать, что хочу сказать, как из моего рта рекой потекли слова:

– Ну, вряд ли у меня что-то получится, но…почему бы не попробовать. Я уже сочинил несколько треков, только их надо записать, а для этого нужна студия и тот, кто в этом всем разбирается. А в нашей глуши такого не найдешь. Может когда поступлю в университет…

Тут я резко замолчал, глядя на Хатису. Она смотрела на меня, поперев щеку ладонью, мягко улыбаясь. Тепло ее улыбки передалось мне и…я снова заметил, как же жарко. Девушка сказала:

– Ты так вдохновленно об этом рассказываешь. Я бы хотела когда-нибудь послушать один из твоих треков. Не пробовал собрать группу? Думаю, хоть кто-нибудь здесь найдется.

И опять она задает мне очень неудобный вопрос. Все дело в том, что я боюсь выступать перед публикой. Выступать с различными научными докладами и речами я даже люблю, но вот петь…к тому же свой текст… Стесняюсь и все тут. Поэтому даже пробовать не стал собирать коллектив – не зачем, если мне некомфортно делиться с другими свои творчеством. Даже перед кем-то одним.

Кажется, Хатиса заметила, что я немного «завис» и произнесла, помахав рукой перед моим лицом:

– Земля вызывает Ригеля.

– А? – сначала не расслышал я, но уже через мгновения понял, что она сказала. – Нет, не пробовал.

Хатиса выглядела удивленной.

– Почему?

– Не знаю, – соврал я, не желая говорить правду. – Не сложилось как-то.

Девушка подняла одну бровь, выражая таким образом сомнение в моих словах. Посидев немного в тишине, я сдался.

– Ай, ладно. Просто… – меня охватил стыд. Мои щеки стремительно стали краснеть. Хатиса внимательно смотрела на меня. Расстроить ее своим молчанием…было выше моих сил. – Я боюсь выступать на публике.

Произнес я и тут же пожалел о том, что сказал, уставившись взглядом в парту. Было жутко стыдно признаться в своей слабости. К тому же Хатисе. Это было похоже на неприятный сон. Рядом с девушкой хотелось быть идеальным. Наверное, поэтому я так хорошо и учился. Не хотелось падать в грязь лицом.

Горели щеки. Я не смел поднять взгляд. Было страшно увидеть разочарование в глазах девушки. Увидеть, что перестал ее интересовать.

Огромным усилием воли я все-таки поднял взгляд и посмотрел девушке прямо в глаза, с немым вызовом: «Да, я боюсь петь перед людьми. И что с того?».

Хатиса и не отрывала от меня в глаз.

– Почему? – спросила она, недоумевая.

– Не знаю, – вздохнул я. А про себя подумал: «Да потому что над этим можно только посмеяться. Даже я смеюсь».

И тут прозвенел звонок, заставивший нас обоих вздрогнуть от неожиданности. Уходить из этого кабинета, ставшего таким уютным, откровенно не хотелось. Хатиса встала первой и начала собираться. Я тоже поднялся.

В абсолютной тишине мы дошли до выхода из кабинета. Я уже хотел открыть дверь, когда Хатиса сказала:

– Знаешь, а мне понравилось с тобой работать. Ты хороший напарник, – она немного смущалась, но говорила уверенно и абсолютно искренне.

Ее слова отразились теплом в моей душе. Это было так мило. Мне захотелось обнять ее как большую плюшевую игрушку. Я понимал, что реагирую немного неадекватно, ведь это совершенно обычные слова, но ничего не мог с собой поделать.

– Мне тоже, – наконец произнес я и открыл дверь.

Послышался гомон толпы. А мы все стояли, смотря друг на друга, все никак не решаясь сделать первый шаг наружу. Вот и все. Кроме совместной презентации нас больше ничего не связывает. Шум все увеличивался. Группа школьников вышла из-за поворота. Это оказались наши одноклассники. Как же хочется продлить этот момент, чтобы он длился вечно, но так никогда не бывает.

– Хатиса! – послышался голос Карины, зовущей подругу.

Я моргнул, приходя в себя, сделав небольшой шаг назад, пропуская девушку вперед.

Хатиса улыбнулась, как будто извиняясь и побежала навстречу Карине. А я… так и стоял у порога. Было чувство дежавю, потому что снова завис и улыбался, глядя в спину Хатисе.

***

Карина

Я быстро прошла через турникет со звонком, пробежала по коридору и теперь смотрела на них, прячась за старым шкафом с наградами. Хатиса стояла в двери кабинета рядом с Ригелем. Это выглядело так мирно, как будто разговаривали давние приятели, а не те, кто едва ли слово за год сказали друг другу.

«Я бы даже сказала, как парочка, прячущая свои отношения, – пронеслось в моей голове скорее в шутку. – В любом случае, кажется, все прошло хорошо. И возможно, мои труды не пройдут даром».

Тут послышались громкие голоса людей, направлявшихся в это крыло.

«Пора», – подумала я, вышла из своего укрытия и крикнула:

– Хатиса!

Подруга неестественно дернулась, но в следующий момент она улыбнулась Ригелю, как будто извиняясь и, развернувшись, побежала ко мне.

«Отлично, – внутренне ликовала я. – Теперь можно быть уверенной, что Хатиса к нему неравнодушна, иначе бы она не сожалела и не извинялась за то, что ей пришлось уйти. Надеюсь, она не злится на меня за вчерашнюю выходку…»

– Привет! – жизнерадостно поздоровалась Хатиса и обняла меня.

– Привет, – сказала я, соблюдая приличия, и сразу же набросилась на подругу с расспросами. – Ну как там ваш проект?

На слове «проект» я смешно подвигала бровями и Хатиса улыбнулась.

– Почти готов, – ответила со смешинкой в голосе подруга. – Осталось только оформить, и все.

«Кто готов? Проект? Или может Ригель?» – эти слова так и просились на язык, но я решила все-таки промолчать, потому что…ну, это, наверное, слишком. Вместо этого я сказала:

– Может, пойдем в класс?

– Давай. Какой сейчас урок? – спросила Хатиса.

– Физика, – с печальным вздохом произнесла я. Я никогда не понимала физику. Совсем. Но меня сейчас больше интересовали подробности проекта Хатисы, а не уроки. Поэтому, зайдя в кабинет и приготовившись к занятию, я снова заговорила на эту тему.

– Вижу, у тебя хорошее настроение. Значит, Ригель не смог его тебе испортить.

– Не смог, – задумчиво произнесла Хатиса и замолчала, уставившись куда-то в стену.

Класс наполнялся учениками, а она все сидела. Интересно. Это она так о Ригеле задумалась?

– Эй, ты чего? – наконец-то решилась я позвать подругу, потрепав ее по плечу

– Знаешь, – задумчиво протянула она. – Ригель, оказывается, совсем не такой как я думала. Он… другой. Точнее он нормальнее, чем казалось.

Я еле сдержалась от победного жеста, вместо этого протянув, округлив глаза:

– Да ладно.

Хатиса только махнула рукой, но я не собиралась от нее отставать.

– Ты что, влюбилась?

Мой вопрос произвел на Хатису неоднозначное впечатление. Она как обычно нахмурилась, однако ее щеки едва заметно покраснели. Но моя подруга не была бы собой, если бы не сумела, якобы шутя, выйти из ситуации:

– А может он тебе нравится? Вот ты и ревнуешь.

«А что? Ригель и вправду очень симпатичный. Только со мной ему, скорее всего будет скучно, а вот с Хатисой…» – промелькнула в голове мысль. Тут в кабинет зашел Ригель. И в ту же секунду я придумала гениальнейший план, от которого аж мурашки по коже побежали.

– Ага, только о Ригеле и думаю! И днем, и ночью, – громко, чтобы быть услышанной, рассмеялась я.

Ригель, проходящий мимо нашей парты, резко остановился и, непонимающе щурясь, уставился на меня, слегка улыбаясь.

«Есть!» – внутренне ликовала я.

Повернув голову на сорок пять градусов, я увидела картину, очень меня порадовавшую – Хатиса, едва не смеясь, бегала глазами от парня ко мне, больше уделяя внимание… конечно ему. Ригель это заметил, и, смутившись, опустил голову вниз, заторопился пройти мимо нашей парты.

Очень довольная собой и тем, что увидела, я не сдержалась и засмеялась.

– Просто шутка, – выкрикнула я в спину парню и подмигнула ему. Он на это только еще более удивленно и широко улыбнулся, помотав накрененной головой.

Тут прозвенел звонок и Ригель поспешно начал готовиться к уроку.

В класс зашла Инна Дмитриевна и начала занятие в своем привычном резком и быстром стиле:

– Здравствуйте! Садитесь! Открываем страницу двести шестьдесят один. Записываем тему…

– Что это? – услышала я возмущенно-веселый голос Хатисы, открывающей учебник, и не смогла сдержать улыбку.

– Ничего, – максимально спокойно ответила я и начала записывать тему.

***

Ригель

Вот, опять прозвенел звонок с урока. Все шло как обычно, будто и не было тех счастливых утренних минут рядом с Хатисой. Словно то было вчера и неправда. Но внутри меня, казалось, поселился маленький солнечный зайчик, мечущийся по моей грудной клетке, заполняя всего

меня радостью, хоть я ни на что не надеялся. Никогда еще мне не доводилось испытывать такую светлую эмоцию. Я не переставал удивляться точности выражения «в животе порхают бабочки». Оно прекрасно описывает то непередаваемое состояние легкости и легкой щекотки во всем теле и мыслях.

Я спокойно готовился к уроку и, казалось бы, ничего не могло испортить моего настроения, пока Оливер – мой сосед по парте, не положил сложенный вдвое листок на парту Хатисы.

Подруг в классе не было. Видимо, пошли в столовую или еще куда-то.

«Зачем Олли подбрасывать записку Хатисе? Не может же быть, что… Нет, вряд ли… Если бы так, я бы неверное заметил… – мои мысли сбивались и путались, как будто сопротивляясь, не давая осознать неприятную правду. – Хотя я же почти ничего не знаю о жизни Хатисы вне школы. Вдруг она с ним на самом деле…давние друзья. А что? Оливер в общем-то хороший парень. очень Добрый, симпатичный. Коренастый, сильный, веселый. Светлые глаза и русые волосы делают его весьма милым, – в следующий миг я словно вспомнил о стреле в собственном сердце, которое там уже тысячу лет, но боль притупилась, если не трогать. – Может у Хатисы уже есть кто-то.»

Резкий звон с глухо раздался в моих ушах, словно через какую-то пленку. Все вокруг покрыла странная пелена, я отключился от реальности, погрязнув в грязи своего сознания.

Вот, в класс заходит Хатиса, она смеется, разговаривая с подругой, здоровается с учителем, садится за парту, откидывая назад длинные золотистые волосы и, покрутив кистью руки, берет ручку. Все эти движения были давно выучены мной наизусть, и мне правда казалось, что я знаю о ней все, что только можно, но понимание того, что у нее может быть другая, личная, невидимая никому жизнь… убивало меня, одновременно заставляя трепетать от того, что это хотелось исправить, пусть и шансы мои на это низки. Кто для нее я? По сути никто. Просто одноклассник, незнакомец, с которым она виделась изо дня в день большую часть своей жизни…

«И что же мне остается? Просто стоять и смотреть со стороны? Нет, так я ничего не смогу изменить…» – именно так я сказал себе и с какой-то непонятной апатией недвижно продолжал смотреть, как Хатиса разворачивает листок, Карина заглядывает ей через плечо, удивление появляется на их лицах, они шушукаются, посмеиваясь, поглядывая на нашу парту. Хатиса что-то пишет на обратной стороне записки и возвращает Оливеру с какой-то странной улыбкой, такой улыбки я у нее не видел. Или…

«Видел, – внезапно вспомнил я. – Она мне так улыбнулась, когда мы разошлись у кабинета.»

Оливер сидит очень ровно, у него покраснели кончики ушей, и он разворачивает лист дрожащими руками. По нему явно видно волнение.

Между ними точно что-то есть.

Чувство горечи и бессилия заполнило мое тело и подкатило к самому горлу. Проще было не думать.

Я автоматически записываю за учителем, совершенно не понимаю, что он говорит.

Говорят, если любишь – отпусти. Но я не могу. Ни тогда, шесть лет назад, ни сейчас, когда у меня снова зародилась призрачная надежда, которая трещит по швам. Я понимаю, что без нее меня нет. То, кем я являюсь, построено на отвергнутых чувствах, слежке издалека и внутренних драматичных страданиях, основанных на всяких глупостях. Человек, страшный пессимист, закрывшийся в себе, варящийся в мыслях, не желающий рационально оценивать окружающий его мир… явно не тот, кем хочется стать. Хотя в моменте мне это нравилось.

Но хватит этого. Я не могу просто следить за ней будто какой-то сумасшедший, жить, упиваясь собственной болью и тоской. Это нездорово. Натянуто и надрывно. Сидеть в загнивающем доме и не попытаться выйти наружу? Не открыть хотя бы окно? Звучит дико. Однако именно это я и делаю, закрывшись в своей зоне комфорта, которая, в действительности, тако-

вой не является. Точнее да, в ней находиться удовлетворительно. Но это же всего лишь тройка. А надо стремиться к большему.

«Может просто пригласить ее… прогуляться?» – подумал я, флегматично срисовывая с доски тетраэдр. Свидание было бы чересчур. К тому же, даже предложение встретиться звучит двусмысленно. Особенно, если для этого нет повода.

«Вроде сегодня все прошло не так уж и плохо,»– от этой мысли я немного успокоился и пленка, до этого словно панцирь у черепахи, ограждающая меня от всего, стала постепенно таять и сошла на нет.

Тут я понял, что ничего не понял из того, что сказал нам учитель и весь остаток урока пытался отчаянно разобраться в конспектах.

И вот, снова послышался этот оглушительный звонок, который, исходя из моих личных наблюдений и собранной статистики, не предвещает ничего хорошего.

Я спокойно приготовился к следующему уроку и уже даже открыл учебник, чтобы повторить домашний параграф, когда боковым зрением заметил, что Оливер подошел к Хатисе, что-то сказал. Карина подтолкнула девушку, и она вместе с парнем вышла из кабинета.

Я старался не думать, зачем же Олли пошел поговорить с Хатисой, но мое любопытство, подогреваемое появившейся нервозностью, пересилило чувство гордости и я, не продержавшись от силы полминуты, нарочито небрежно закрыл книгу и спокойно вышел из класса.

Оказавшись в коридоре, я сразу же нашел глазами золотистые волосы Хатисы и двинулся к ним.

Остановившись прямо напротив них, подперев стеной стену и напустив на себя непринужденный вид, взяв в руки телефон, я начал наблюдать, а смотреть было на что.

Оливер что-то говорил, запустив пальцы в волосы на затылке и уставившись взглядом в пол. Кончики его ушей ярко покраснели. Хатиса, закрыв рот ладошкой, смеялась, хотя явно пыталась сохранять серьезность.

Как мне было жаль, что страх быть замеченным и гордость не позволили мне подойти настолько близко, чтобы услышать их разговор. Глядя на эту картину, я испытывал… такое разочарование, что невозможно описать словами. Злиться я просто не мог. А на что? На счастье других? На то, что они хорошо проводят время? Нет, это слишком даже для меня.

Тем временем, разговор Хатисы и Оливера подходил к концу. Парень перестал краснеть и говорил уже более открыто. Девушка же больше не смеялась, но на ее лице все равно сияла улыбка. И тут произошло то, чего я никак не мог ожидать.

Олли вдруг упал на одно колено, протянув руку к Хатисе, глядя ей в лицо. Он что-то сказал, и она, смутившись, но все равно улыбаясь и тоже что-то говоря, протянула ему свою ладонь. Оливер взял ее и сделал то, от чего меня окатило жаром. Он мягко накрыл губами ладонь девушки, которая выглядела при этом очень довольной.

Казалось, я стал свидетелем весьма… личной сцены. Захотелось отвернуться, заставить себя на это смотреть – было бы мазохизмом. Я встретился глазами с Кариной, стоявшей у двери в кабинет, в паре метров от меня. Она лукаво улыбнулась, склонив голову. Затылок обожгло стыдом… без конкретной на то причины.

«Так не пойдет,» – заговорил во мне здравый смысл. – Нельзя поддаваться своим эмоциям, надо успокоиться.»

Опустив взгляд в пол, я резко оттолкнулся от стены и широким шагом пошел в сторону мужского туалета, стараясь не смотреть на Хатису. Нарочито спокойно открыл дверь, невозмутимо зашел и, только убедившись, что в туалете никого нет, позволил себе вполголоса простонать, опершись руками о раковину. Мысли пчелами роились у меня в голове. И если настоящие пчелы желтые в черную полоску, то мои были красно-черными. Накатывала истерика, приступ ненависти, отвращения к себе, к миру, к реальности. Мне надоело просто позволять грудной

клетке загнивать изнутри, вдыхать ее зловония и делать вид, что мне нравится. Раньше на это хватало сил. Теперь нет. Иллюзия спала.

И отчего мне так больно? Я всегда понимал, что сам сдался, закрылся и конечно всем будет на меня плевать. Так мне и было нужно. Я наслаждался этим, упивался, внутренне желая, чтобы кто-то ворвался в мою жизнь и все исправил. Желательно она.

Я как будто со стороны услышал свой судорожный вздох, в следующее мгновение сменившийся на всхлип. Я не смог сдержать его, сгорая от стыда. Слеза скатилась по щеке.

Становилось трудно дышать. Я медленно задыхался. Мне не хватало не воздуха. Нет. Мне не хватало… кого-то. Это отчаянно, бессмысленно, просто глупо, но мне постоянно нужно бы видеть ее, слышать, в глубине души на что-то надеяться, представлять в голове «возможные» ситуации, это заставляло меня вставать с кровати по утрам и ложиться ночью, чтобы увидеть следующий день. А сейчас… Я отчаянно нуждался в ком-то. Нельзя было оставаться наедине с таким собой. Неполноценным, с отмершей частью… души. Опустошенный, я задыхался в одиночестве. Мне казалось, что прямо здесь и наступит мой конец – все моя личность развеялась пылью, но этого не происходило, я все еще стоял, отчаянно хватая ртом воздух. Вцепившись пальцами в края длинной раковины, я попытался успокоиться, но мои мысли совсем не помогали этому.

Ничего уже не сделать. Я сам избрал такой путь. Сам. И не имею права жаловаться на последствия. Нельзя рушить чужое счастье, пусть ты сам… остался ни с чем. У меня осталась только безумная, никому не нужная, привязанность, даже не ослабевшая с разрушением привычного сознания. Я до боли прикусил губу, чувствуя дикую ярость на себя, на свою уязвимость, бесхребетность, беспомощность.

Щеку стянуло солью. Надо умыться. Ледяная вода вернула меня в реальность, охладив голову. Но боль, глубокая тоска, никуда не делась, просто осев пылью в легких, которая снова станет бурей от малейшего ветерка. Вдруг я услышал гомон учеников за дверью туалета и ужаснулся – а что, если бы они зашли сюда? Подняв голову и взглянув в зеркало, я увидел неприглядную картину – на меня смотрел полностью разбитый парень. Он молчал, но смотря в его глаза в ушах слышался пронзительный крик.

Меня передернуло. Я ненавидел проявления слабости. Особенно собственной слабости.

Я умылся еще раз и, вытерев лицо, осмотрел себя снова. Парень в отражении стал поспокойнее и поувереннее. Поправив волосы и рукава, царапнув себя при этом по предплечью, я счел свой внешний вид приемлемым и, ударив себя кулаком по бедру, чтобы собраться, размашистым шагом вышел из туалета, в мгновение ока дошел до кабинета и попал в класс под оглушительный трезвон звонка. Может внешне я и был абсолютно спокоен, но пальцы все еще подрагивали от внезапного срыва. А ведь все было хорошо буквально час назад.

***

Оливер

Ненавижу географию! Но для аттестата приходится попотеть. Учительница что-то говорила, но смысл доходил до меня туго. Что-то про какую-то сферу. Гидросферу. И про загрязнение. Какой-то Гринпис. Вдруг в дверь постучали, преподавательница увидела кого-то в коридоре, быстро дала задание и вышла. Я почти ничего не расслышал.

– Какая страница? – спросил я у Хатисы, с которой разговаривал на перемене. Да, неловко тогда вышло.

– Двести пятьдесят шестая, – ответила девушка.

– Спасибо, – громко поблагодарил я, чтобы перебить гомон остальных одноклассников, и открыл учебник. – Ты просто чудо.

Что бы я без нее делал сегодня. Да и раньше она мне часто подсказывала. И чувство юмора у нее неплохое. Почему-то раньше я этого не замечал. Эх, жалко заболел на прошлой

неделе. Было бы проще оценки исправить. А теперь осталось совсем мало времени. Ничего не понимаю.

Я почесал свободной рукой затылок. Похоже, придется просить Ригеля помочь. Вообще делить с ним парту мне не особо хотелось, но почему-то нам все учителя садили вместе. А пересаживаться не было смысла. К кому? Все уже по парам расселись. Одному сидеть неинтересно. К тому в крайнем случае он может подсказать.

Я повернулся к нему и хотел уже заговорить, но в последний момент передумал – Ригель сидел с таким мрачным и злобным видом, что лезть к нему сейчас показалось мне не лучшей идеей.

«Ладно, наш местный идол сегодня не в духе,» – подумал я и решил спросить у Хатисы. Она точно не откажет.

– Ты знаешь ответ на первый вопрос?

Девушка предсказуемо кивнула, Карина тоже обернулась, отчего стало неловко. Ну чего смотрит?

– Где ты его откопала? Я уже все перерыл, – последнее было неправдой, но мне было лень искать.

– Горе ты мое луковое! – со смехом в голосе произнесла она. – Там в позапрошлом параграфе есть определение.

– Ага, – сказал я, взяв в руки учебник и перелистывая страницы.

– Ну вот, в тридцать седьмом тоже есть определение. И в тридцать восьмом. От тебя просят переформулировать все определения в одно.

– Они издеваются? – нахмурил я брови, тем не менее улыбаясь.

– Да, наверное, – протянула Хатиса, широко улыбаясь.

– Зачем писать вопросы длиной с пол параграфа?! – возмутился я, а услышав, что Карина прыснула, ответил, смеясь и наигранно негодуя, кажется, даже покраснел. – Это не смешно!

Хатиса на мое возмущение лишь махнула рукой, мол, давай, делай задание уже, и отвернулась к подруге, которая все это время не отрывала от меня взгляда. Я сглотнул и опустив голову стал писать, периодически поглядывая на подруг и удивляясь, что раньше не замечал какая же они классные. Особенно она.

***

Хатиса

Я сидела за столом в своей комнате. Мысли разбегались от меня в разные стороны, не желая собираться в кучу. Ригель сегодня был какой-то странный и, отчего-то, это меня дико волновало. Я вспоминала как он смеялся утром и с каким лицом выходил из школы. Интересно, что у него такого произошло? Кстати, удивительно, но Карина никак мне не напомнила о вчерашнем. Мы общались как ни в чем не бывало. Да, она бросала на меня взгляды и отпускала колкие шуточки, но… ей это можно простить. Я тряхнула головой, пытаясь сосредоточиться на выполнении домашнего задания. Сейчас говорим, что корень из гипотенузы равен корню суммы квадратов катетов и тогда, можно составить уравнение… – продолжала я решать задачу по геометрии. Однако все эти прямоугольные треугольники мало меня интересовали. Из головы все никак не выходил облик Ригеля, протягивающего мне булочку, Ригеля удивившегося, что я за его спиной, Ригеля, воодушевленно рассказывающего про свое увлечение музыкой, Ригеля, играющего мне на гитаре. Последнего, конечно, в жизни не было, но… это все равно почему-то возникало в мыслях. И так отчетливо, ярко. А еще отчего-то то, что он так быстро ушел домой после уроков… расстроило меня. Признавать это я не собиралась, но в груди осело неприятное чувство, что мне чего-то недодали. Но почему меня вообще это задело?

Решения уравнения не было. Оказывается, я перепутала длины сторон и теперь надо переписывать. «И все из-за этого Ригеля, – раздраженно подумала я. – Просто невозможный человек! Мог хотя бы сказать пока. И неважно, что мы обычно даже не здороваемся. Вообще-то, согласно звездам, он вообще должен души во мне не чаять.»

Я рассмеялась, чувствуя натяжение в груди. Понятно, что это просто шутка, но… в каждой шутке лишь доля шутки. Так говорит моя мама. И сейчас я была… близка к тому, чтобы в это поверить. Мои мысли… не подчинялись мне, словно ими управлял кто-то другой. Я довольно часто разговаривала сама с собой, особенно если нужно было принять какое-то решения или просто было скучно. Но теперь это вышло из-под контроля, и мозг подкидывал мне все новые и новые идеи, которые никак не могли ждать.

Ригель, которого я видела каждый день, оказался не совсем таким, как казалось. Веселый парень, с которым я с утра бежала в школу, просто обязан быть мне… хотя бы приятелем. А лучше другом. Столько положительных эмоций… мало с кем можно получить. Пусть совсем недавно я видела мрачного парня, к которому и подойти, не то, чтобы страшно, но желания не возникало, теперь Ригель ассоциировался с чем-то теплым и веселым, дарующим легкость и улыбку одним словом. А после географии…он стал совсем другой. Глядя на него, настроение слегка портилось. Вид такого Ригеля… неправильный. Я раздраженно захлопнула книгу. В таком состоянии делать домашнюю работы было невозможно.

После такого странного, насыщенного на события дня, я совсем не могла сосредоточиться, потому что в мои мысли постоянно проникал Ригель – вот опять он улыбается мне, вот стоит в полном шоке, вот мы сидим в классе и я расспрашиваю его об увлечении музыкой, вот Ригель злится, вот он вчерашний с безразличным выражением лица, вот мы в шестом классе играем в догонялки.

Мы много общались в шестом классе. Помню даже когда мы всем классом ездили в кино в соседний город и Ригель сел рядом со мной. Было весело тогда. Тогда он был…другой. Младше и наивнее, наверное. Как и все мы. Он был… таким как сегодня утром. А после мы резко перестали разговаривать. Он не подходил, мне стало обидно, и я молча объявила ему бойкот. Время шло, ничего не менялось и дергаться было уже поздно, да и желание отсутствовало. Почти.

Тут мне ярко, как будто это было совсем недавно, вспомнился наш разговор с Кариной. Конец то ли шестого, то ли седьмого класса. Школа. Я протирала доску. Сегодня моя очередь дежурить по классу, но мне было скучно делать это одной, поэтому подруга осталась со мной, заодно пообещав рассказать интересную новость.

– Хатиса, ты уже вытерла доску? – спросила меня Карина.

Я осмотрела свою работу. Вроде достаточно чисто.

– Да. Теперь мы можем «посплетничать», как ты хотела. – сказала я заговорщическим тоном и села на первую попавшуюся парту.

– Давай, – с улыбкой в голосе сказала Карина, тоже сев рядом со мной, потянув ноги наверх.

– Ты знала, что Машка с Вадиком встречаются? – прошептала подруга.

«Да, не долго они повстречались, – хмыкнула я где-то в подсознании. – Сейчас они даже не друзья. Машка с Кристофером из одиннадцатого. Вадик с Иркой. А раньше казалось – любовь до гроба.»

Я вернулась во воспоминание.

– Да ну, – искренне удивилась двенадцатилетняя версия меня. – И давно?

– Две недели. Эх, мне бы так, – мечтательно произнесла Карина. – Вадик за ней так мило ухаживает.

«Ага. Настоящий романтик, – мысленно фыркнула я. – Прямо принц на белом коне.»

– И у тебя когда-нибудь кто-нибудь появится, – я попыталась приободрить подругу тогда, но сделала только хуже.

– Легко тебе говорить…у тебя ведь есть "суженный", – с ухмылкой и долей светлой зависти произнесла Карина, смешно двигая бровями.

– На кого это ты намекаешь? – спросила я, хотя уже знала, что она скажет.

Ригель. Он был, наверное, самый веселым и улыбчивым парнем нашего класса, душой компании. К старшей школе стал холодным, неразговорчивым, замкнутым. Раньше эта разница как-то не бросалась мне в глаза.

– На кого, на кого, на Ригеля, конечно, – Карина говорила слегка посмеиваясь.

– Ну уж нет, кто угодно, но только не он! – почему-то вскрикнула я тогда, отчего-то разозлившись на подругу. Теперь мне была неясна такая реакция. В словах Карины не было ничего критичного. Но раньше я считала иначе.

Тут подруга наклонилась ко мне и тихо прошептала, будто боясь, что нас кто-то может услышать.

– Но он же тебе нравится.

Нравится. Тогда это слово меня пугало и отвращало. Теперь, после пары легких влюбленностей, я стала спокойнее относиться к этому, ведь знаю, что всегда смогу избавиться от этого чувства.

Неожиданно я осознала, что теперь не знаю верного ответа на тот вопрос подруги. Тогда знала, думала, что знала. Возможно, Карина была права и Ригель и вправду мне… нравился. Почему нет? Он… не самый худший вариант. Может даже хороший.

Мне понравилось с ним общаться, он симпатичный, однако я его почти не знаю. Это отталкивает и одновременно заставляет заинтересоваться еще больше. Странное ощущение.

– Нет, – буквально зашипела я из прошлого. – Он просто доставучий выпендрежник вот и все.

Это, пожалуй, правда. Только он это скрывает и притворяется, что ему не приятно, когда его хвалят.

– Ну, как знаешь, – протянула Карина и подмигнула мне. – Но он очень симпатичный и раз тебе Ригель не нужен, я заберу его себе, – она хохотнула. – А вообще мне кажется, ты ему нравишься.

«Нравлюсь, – смаковала я это слово, когда меня посетила до ужаса глупая мысль. – Нет… Он не мог нас услышать. Но если да…» – сердце застучало быстрее, словно я читала наимилейшую сцену из книги. Конец фразы так и не оформился в что-то связное, но этого и не требовалось. Внутри все сжалось.

Вдруг я резко опустилась на землю, подумав, что таких совпадений не бывает. А если и бывают, то, если верить Карине на слово, то я, наверное, разбила ему сердце. Меня пробрал смех. Вот это бред.

Как ни странно, но с того дня мы с подругой на эту тему больше не разговаривали, не считая ее постоянных подколов, на которые я не обращала внимания, и нашего недавнего разговора. Она открыто намекнула мне на то, что совместный проект это шанс узнать Ригеля поближе и наконец-то сменить отношение к нему. Карина, наверное, полжизни потратила на то, чтобы переубедить меня. Не вышло. Зато получилось у него. За полтора часа. Я шумно выдохнула. Голова кипела. Мне не может нравиться тот, с кем я не разговаривала, так? Тогда почему подруга постоянно твердит об этом, пусть и в шутливой форме?

А вообще мне и так нормально. Зачем разбираться в чувствах, которых даже не замечаешь?

Тут на ум пришли приятные, светлые утренние моменты с Ригелем и моя уверенность пошатнулась. Если бы я не относилась бы к нему так плохо, то их могло бы быть больше. Это… завораживало.

Надо признать, что я симпатизирую ему… как другу.

Я, ради эксперимента, представила, как мы идем, держась за руки и о чем-то разговаривая. Вдруг Ригель притянул вымышленную меня к себе за талию. Я рассмеялась. Он тоже улыбнулся и нежно, очень нежно поцеловал. От этой картины в груди что-то туго сжалось и по всему телу разлилось то самое тепло, приятно закололо в кончиках пальцев.

Это было хорошо. Мне хотелось запищать от красоты этой картины. Я закрыла ладонями рот и губы, улыбаясь во весь рот, резко дыша. Пульс поднялся, заставляя лицо покраснеть.

«Это нормальная реакция, – пыталась я убедить сама себя. – Гормоны и все такое. Любая такая фантазия вызовет… такое.»

С книжными персонажами ведь также. Видишь его имя на страницах и все, уже ловишь сердечный приступ. А вообще… чем Ригель хуже 2D человечков? Кроме того, что живой. Умный, красивый, высокий, загадочный. Не понятно для кого, я смешно подвигала бровями. Как я раньше этого не замечала… А ведь Карина говорила мне и не раз. Но все равно не верится, что он мне нравится. Просто красивый образ и все. Пусть достанется кому-то другому. Мне не жалко. Если только самую малость.

Я стукнула кулаком по столу. Эти мысли скоро меня доконают. Но какая тут может влюбленность? Десять лет учится в одном классе и не понять, что человек тебе небезразличен? Чушь. А ведь Карина давно мне говорила, даже бумажонку какую-то дала, чтобы я сама убедилась.

Осмотрев взглядом комнату, я обнаружила брошюрку на полке рядом со столом и, потянувшись и чуть не упав, взяла ее в руки.

Ну, Карина дает. Решить, что я буду заниматься такой чепухой и оказаться правой! В правдивость таких тестов, конечно, слабо вериться, но почему бы нет? И не такую ерунду проходили.

Сначала были глупые и очень легкие вопросы как «Он красивый?», «Как давно вы знакомы?», но потом они стали намного сложнее и серьезнее. Над некоторыми приходилось думать по несколько минут выбирая оптимальный вариант из четырех… одинаково неподходящих. Вопросов было очень много, казалось, что они никогда не закончатся, но вот я ответила на последний из них.

«Осталось только посчитать,» – подумала я и принялась записывать полученные баллы за ответы. Мне уже совершенно не хотелось этого делать, но бросать дела на полпути не в моем стиле.

Когда я наконец-то закончила это глупое занятие на часах уже было довольно поздно. Из-за этого дурацкого теста уроки до сих пор были не сделаны, а вставать завтра рано. Зачем только его проходила. Как будто это имеет хоть какое-то значение.

***

Я уже минуту не могу перелистнуть страницу, чтобы посмотреть результаты. Вот до чего докатилась – страшно увидеть что-то… что-то. Веду себя абсолютно нелогично, хуже, чем персонажи в этих глупых сериалах о любви. Я была до глубины души удивлена своей обнаружившейся неспособностью перелистывать страницы. Долго так сидеть нельзя было и я, кое-как собравшись, сделав вдох, выдох, посчитав до трех, потом до десяти, перевернула лист и тут же зажмурилась. С одной стороны забавно посмотреть, что мне скажут, с другой… не очень. Я приоткрыла один глаз. Это ничего мне не дало, поэтому через секунду я открыла оба.

От этого ничего страшного не случилось. Пол не провалился, крыша не посыпалась. Даже снег не пошел. Мне стало стыдно за страх. Я решительно взяла брошюру в руки и начала искать описание своего результата. Он оказался в почти самом конце. Его содержание было таким:

«60-69 баллов – Ты по уши влюблена в него, но не признаешь этого. Возможно…»

Дальше читать было бессмысленно. Мне хватило и первого предложения. Я втрескалась в Ригеля. По уши. Это же… неправда. Но теперь моя ненависть к девушкам, которые постоянно говорят о нем, крутятся рядом, становиться понятна. Раньше я считала, что они мне противны из-за того, что это глупо – любить того, кого почти не знаешь, но… получается я сама такая. И это была ревность.

«Получается, Карина была права,» – подумала я со свистом выпуская из легких воздух. Однако какой-то там тест это плохое подтверждение. Я в который раз тряхнула головой, чтобы избавиться от лишних мыслей, сейчас было не до этого. Время на часах только увеличивалось, а заданий оставалось все так же много.

Когда последний предмет был сложен в рюкзак, мне жутко хотелось спать. Устроившись в кровати, я почти сразу уснула, ощущая, как внутри меня что-то ломается и строится заново, но сил анализировать это не было.

***

Ригель

Наконец-то этот учебный день кончился. Думал не доживу до его конца. Сидеть за одной партой с Олли было настолько тяжело, что невозможно описать.

Я вылетел из класса первым, так как мне не хотелось идти вместе со всеми. Хотелось побыть в одиночестве. И поскорее. Хотелось забиться в дальний угол на парочку лет, чтобы заново отстроить рухнувшие внутри стены и фундамент. Хотелось потушить остатки пожара, выжегшего все. Никогда раньше мне не было так плохо. Казалось, я напоролся на длинный шип, который, скорее к несчастью, не задел жизненно важные органы, и теперь не мог слезть с него. Не представляю как еще можно описать это состояние. Но мир не стоит на месте в ожидании, когда ты поднимешься на ноги и пойдешь с ним. Он неумолимо движется и тебе нужно успевать за ним. Торопиться изо всех сил, стараясь не отстать. Учеба пролетела мимо меня. Я не понимал, что говорят учителя и что я пишу, но время шло так долго как никогда. Мне так хотелось поскорее уйти отсюда, чтобы наконец-то перестать скрывать свои эмоции. Каждая минута, каждая секунда, проведенная в школе, превращалась для меня в пытку.

Мне не хотелось сейчас никого видеть, с кем-то общаться и так далее. Сейчас моя неразговорчивость была как нельзя кстати. Я шел по коридору глубоко погрузившись в свои печальные мысли, когда в другом конце коридора заметил группу девушек, что-то активно обсуждающих. Кажется, они учатся годом младше. Тут до меня донесся громкий возглас одной из них: «О, а вот и он. Давай, вперед!».

Я надеялся, что они это не про меня. Виски начали гореть, я уткнулся взглядом в пол, шагая как можно быстрее. Лишь бы нет. Одна из девушек отделилась от группы и пошла мне на встречу. В этот момент мне хотелось провалиться сквозь землю, испариться, исчезнуть, что угодно, лишь бы она не добралась до меня. Но бежать было не куда и оставалось только делать вид, что я не замечаю ее и идти к выходу из школы, расположенному ровно между нами. Она все приближалась, а мне все сильнее распирало желание начать бежать. Но вот мы поравнялись, и я попробовал просто пройти мимо, но девушка удержала меня за рукав рубашки и произнесла, улыбнувшись:

– Привет, Ригель. Меня зовут Ангелина и я хотела сказать…– девушка замялась. Я не хотел ничего говорить и молчал, мысленно умоляя ее смутиться и уйти, не продолжать эту пытку. Но она никуда не ушла, а собравшись с силами выпалила. – Я хотела сказать, что люблю тебя!

Я слышал эти слова не были чем-то новым для меня, но сейчас они почему-то поразили до глубины души.

«Как можно любить человека, которого даже не знаешь?! Это не любовь!» – кричало мое сознание, а девушка тем временем продолжала:

– Я давно люблю тебя, еще с начала года, но боялась к тебе подойти, – Ангелина начала действовать мне на нервы. – Знаешь, у тебя такие красивые глаза, – она подошла ближе. – Я как увидела тебя, так сразу полюбила. – девушка прошептала эти слова, стоя в 20 сантиметрах от меня. А я… я чувствовал такую злость на нее и боль…очень острую боль от того, что эти слова говорит какая-то незнакомая мне девчонка, с которой меня не связывает… вообще ничего. Я даже не помнил, как ее зовут, хотя она живет в соседнем доме.

Почему она говорит это все? Почему она? Если бы это была Хатиса… А эта глупая девчонка ничего не знает о любви. О настоящей любви. Ей нравится моя внешность и образ, который себе напридумывала. Она совершенно не знает меня. Злость пополам с болью подымались в моей груди, в глазах предательски защипало. Ангелина что-то говорила, но я не слышал. Сознание как будто покрыло какой-то пленкой.

Девушка, кажется, не понимала, что я пропускаю все мимо ушей и продолжала что-то щебетать. Тут произошло то, что вывело меня из себя окончательно. Она взяла меня за руку, заглядывая прямо в глаза. Я отпрянул, вырывав ладонь, испытывая сразу целый спектр эмоций – омерзение, жалость, гнев, разочарование и боль. Как вообще можно симпатизировать такому как я?

Девушка удивленно посмотрела на меня, и я окончательно сорвался и выкрикнул:

– Как ты можешь говорить подобное? Ты хоть понимаешь, что несешь? Я тебя даже не знаю, – девушка остолбенела, пребывая в шоке от моих злых слов. В ее глазах начали собираться слезы, но я уже не мог остановиться. Нервы сдали. – Это не любовь! Ты не знаешь, что это! – мой голос начал становиться спокойнее и покрываться фирменным непробиваемым спокойствием. – Глупая, ты живешь в мире своих фантазий, – по щекам девушки потекли слезы. Это неожиданно привело меня в себя. Исправлять что-либо было поздно, но я хотя бы сбавил тон. – Ты не знаешь кто я на самом деле, поэтому не стой на проходе, дай пройти.

Закончив свою гневную речь, я огляделся по сторонам. Все, кто был в тот момент в коридоре, смотрели на меня. На их лицах было странное, шокировано-испуганное выражение. Девушка молчала, слезы текли по ее щекам и мне на миг стало жаль ее. В конце концов она ни в чем не виновата, она не хотела ничего плохого, просто запуталась. И попала под горячую руку. В повисшей тишине мне стало неловко, и я быстрым шагом пошел к выходу из школы, бросив, напоследок, Ангелине тихое «прости».

***

Я шел по запыленной дороге. Ноги сами несли меня, так как мои мысли были очень далеки от этого. Я чувствовал себя паршиво. Меня грызла совесть. За то, что был настолько глупым в шестом классе, за то, что за прошедшие четыре года ничуть не поумнел, а главное за то, что сорвался на ту бедную девушку. Она не должна была слышать это. По крайней мере не от меня. Точно не от меня, ведь я сам делаю точно также. Почти не знаю Хатису, а уверен, что люблю ее до смерти. Четыре года могут кардинально изменить человека. Многое с того времени изменилось. Мы с ней тоже. И чем я тогда лучше Ангелины?

Дыхание сбилось. Хотелось кричать, кричать изо всех сил, пока не пропадет голос. Но я продолжал идти и со стороны могло показаться что у меня все в порядке. Но это было совсем не так… Мне даже не хотелось слушать музыку, а это… плохой признак.

Наверное, я просто обычный сумасшедший, раз до сих пор схожу по ней с ума, цепляюсь за нее, как за последнюю соломинку. Дурак. Получил я от этой любви только боль, а дорожу так, словно она подарила мне жизнь. Сегодняшнее утро, пожалуй, и правда стало для меня целой жизнью.

К горлу подкатил ком. В глазах закипали слезы. Я остановился, пытаясь успокоиться. Сознание потемнело. Мир сузился до мыслей в моей голове. Моя жизнь показалась мне

настолько бессмысленной и жалкой, что хотелось скинуться с крыши многоэтажного здания, которых в нашем городке не было, только чтобы больше не видеть этого.

В чем смысл такого существования? Зачем это все? Если я без нее никто. Для нее никто. И буквально через год мы разъедемся кто куда.

Снова по щеке потекла одинокая соленая, обжигающая слеза. Я зло вытер ее рукой, чувствуя себя жалким, ненавидя себя до кончиков пальцев. Зачем я вообще существую? Лучше бы вместо меня родился кто-нибудь другой. Все равно, если меня не будет, то ничего особо не изменится. Так почему я все еще здесь?

Руки тряслись. По лицу текли беззвучные слезы.

Все бессмысленно. В этом мире я не несу никакой роли, никому не нужен, кроме родителей, конечно. Но если бы на моем месте был кто-то другой ничего бы не поменялось.

Адреналин разлился по венам. Кровь застучала в висках. Я был как никогда близок к тому, чтобы сделать что-то с собой. Укусы и неглубокие порезы на руках всегда были моим потолком. Хотелось покончить с этим всем. С бессмыслицей, с болью, с собой, с этим бесконечным скучным фильмом.

Мне стало страшно от собственных мыслей. Дикая паника охватила мой разум, предостерегая от ошибки. Сердце застучало еще чаще, хотя казалось куда быстрее. Вдруг я почувствовал всю свою уязвимость, слабость. Снова появилось желание закрыться где-то, спрятаться. Нервный срыв набирал силу. Я побежал. Я бежал и бежал. Казалось, что я бегу уже целую вечность. Наконец я добежал до дома, поднялся вверх по лестнице, ввалился в свою комнату и, без сил, упал на кровать. Сознание махнуло белым флагом, отключаясь, давая провалиться в спасительную темноту.

***

Я проснулся через несколько часов. Сквозь окно просачивался теплый солнечный свет. Часы показывали пол пятого. Все было наполнено спокойствием и молчаливым счастьем.

Я медленно сел на кровати. На душе было так паршиво, окружающее меня умиротворение раздражало. Тянуло лечь обратно, накрыться одеялом с головой и больше никогда оттуда не вылезать. Но надо было успеть привести себя в приличный вид до прихода родителей. Расстраивать и волновать их совсем не хотелось. Уроки тоже ждать не будут. Я заставил себя встать. В голове была звенящая пустота. Это пугало. Одновременно только это и держало меня. Я пошел в ванну, умылся, переоделся в домашнее, находясь в автономном режиме. Начал делать уроки. Вскоре пришли родители. Все шло своим чередом. Мы все вместе отужинали. Отец рассказывал о какой-то новой разработке. Мать улыбалась и подшучивала над всеми. Никто не заметил моего состояния. Пусть, я этого и добивался, внутри все равно ощутил неприятный укол разочарования. Поблагодарив за ужин, я вернулся к себе в комнату и продолжил делать уроки. Закончив, сразу лег спать. Но сон не шел, я ворочался с боку на бок, не в силах провалиться в спасительную тьму. На часах два часа ночи.

***

Я бежал по тропинке в лесу. За мной кто-то гнался. Мне мерещились голоса. Много голосов. Вдруг я споткнулся о большой камень и покатился кубарем куда-то вниз, оказавшись на обрыве. Повернувшись, я увидел Хатису, выглядевшую примерно лет на тринадцать. Она заговорила, заставив меня отшатнуться назад – к обрыву.

– Ригель? Я ждала не тебя, – девушка хихикнула. – Ты просто жалок! Такое ничтожество!

Внезапно картинка изменилась и передо мной оказалась уже нынешняя Хатиса, я снова отпрянул, приближаясь к обрыву.

– Ты все еще здесь? Когда ты уже оставишь меня в покое? Убирайся! Вон! О, ты пришел, – ее голос смягчился, улыбаясь, она смотрела куда-то позади меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.